

Канат Магир БУКЕЖАНОВ

ХУДОЙ ЖНИК

Мистический детектив

Продолжение, начало в № 7, 2026.

17

Ерлан Баев ехал с корпоратива в хорошем настроении. Припозднился, но не пил. Ехал сам! В последнее время он начал вести здоровый образ жизни. Это пусть разные неудачники травят жизнь наркотиками, выпивкой, а он потомок степняков, суровых и здоровых телом и духом! Настроение было приподнятое, потому что ехал на новой машине. Недавно поменял наконец «Мерседес» на сверкающий «Бентли». Дорого? Конечно! Но именно в этом весь смысл! Жизнь вообще сама по себе дорогая, и проживать ее надо уметь дорого! Чтобы разная шушера вокруг таращила глаза и невольно пригибалась и кланялась. Ерлан усмехнулся, едва скривив уголок рта вправо. Когда-то в детстве прочитал советский учебник по истории, принадлежавший еще отцу. Там было сказано, что в дореволюционном обществе было деление на бедняков и богачей, которых называли аткаминерами¹. Разве что-то изменилось? Его, Ерлана, прадед был аткаминером. Пришла советская власть. Дед был директором молокозавода, ездил на «Волге» с личным водителем. Кем он был? Аткаминером. Отец был директором промбазы. Когда ушли Советы, стал бизнесменом, сменил «Волгу» на бумер. Вот был такой древний певец неудачник Жаяу Муса. Этот неудачник не постеснялся на весь мир выкрикнуть о своем позоре – у него отняли лошадь! Целую песню сочинил! Вот попробуйте у него, Ерлана, забрать «Бентли», что он сделает? Ясно что! Никто даже пробовать не станет. Ерлан напряг руки и поиграл мускулами. Потому что он аткаминер! А этот бишара² даже назвал себя после этого случая – Жаяу Муса, то есть пеший Муса. Понятно, что отняли-то у него лошадь, потому что не годился он в аткаминеры! Когда-то проклятые коммуняки таких неудачников поэтизировали, всячески возвышали. Теперь всё идет как надо!

Подъезжая к кольцу перед местными башнями-близнецами, намеренно не сбавил скорость, хотя знал, что там пешеход. И точно! Какая-то одинокая фигура плелась, пересекая улицу. Сейчас будет потеха! Ерлан облизал полные губы и стал жарко шептать: «Қаш, Қаш!»³ Всегда было забавно видеть, как испуганные пешеходы с места брали в карьер. Но этот встал, загоразивая проезд, и не двигался с места. Резко нажав на тормоз и понимая, что не успевает, Ерлан вывернул руль вправо и с визгом затормозил, едва не задев отпрыгнувшего пешехода задним бампером. Тот, приземлившись, упал, но быстро встал и, прихрамывая, подошел к его машине. Дальше Ерлан даже не поверил своим глазам. Этот ишак пнул в дверь его сияющий «Бентли»! Пнул! Потом повернулся и не спеша пошел под мост. Ерлан взревел, и взревел мотор, когда он в рывке парковал машину. Даже шины задымились. Но что теперь шины! Пнуть новенький «Бентли» – это всё равно что пнуть ребенка! Надо было догнать и наказать эту хромую сволочь! Ерлан выскочил из машины и побежал под мост следом за темным силуэтом, который поворачивал теперь налево.

¹ Аткамінер (каз.) – всадник.

² Бишара (каз.) – потерявший честь.

³ Қаш (каз.) – беги.

* * *

Опергруппа в составе трех человек и одного районного участкового приехала по вызову на место преступления. Жертва, предположительно водитель припаркованного «Бентли», был забит до смерти тупым орудием. Криминалист занялся трупом, оперативник проверял камеры наблюдения, участковый пошел опрашивать население окружающих домов и сотрудников магазинов и офисов. Начальник опергруппы майор Кожагалиев Ултарак Сагатович стоял и морщил и без того всё в морщинах смуглое лицо.

Опрос населения ничего не дал. Камеры ничего не зафиксировали, потому что обе камеры башен-близнецов не захватывали в обзор пешеходный переход, камеры сувенирного магазина напротив места происшествия и вообще фиксировали только участок перед входной дверью магазина, а дальше видимость закрывали разросшиеся заросли туи по обеим сторонам магазина. Преступление происходило в слепой зоне.

Только эксперт-криминалист дал кое-какую зацепку. Жертва была забита тупым тяжелым предметом, концы которого на открытых частях тела давали отпечаток, сходный с наконечником молотка.

18

Тимур, Тимка, или Тима, или Темеке, как его называл знакомый чабан Акимбек, на кочевье которого он иногда гостил, стоял перед телефоном и размышлял. Тимкой он был в детстве для всех, и это была его любимая ипостась. Быть Тимкой! Бежать с утра навстречу событиям и открытиям, которым не было конца! Особенно если рядом неразлучные друзья! Где они теперь? Разъехались и пропали!

Мама звала его Тимоша, и это злило его, когда он вырос. Что за нелепое прозвище? Но, впрочем, подростком он злился на маму очень часто. А она терпеливо сносила его грубость и ждала, когда же всё наладится. Что всё? Их отношения! Отношения стали портиться после ухода отца. Тимка сносил родительский разлад очень тяжело и злился на них обоих. Не хотел встречаться с отцом и грубил матери. Отбилась от рук.

Сейчас бы вернуть то время, как бы он старался тогда загладить вину перед мамой! Всё получилось глупо с его стороны, что он всё время жил так, как будто живет в вечности и можно всё поправить. На самом деле нет. И жизнь всегда подает тебе особые знаки. Бывают иногда такие явные признаки, к которым надо приглядываться и принимать моментальные решения. Так было с кошкой Малинкой. Кошка пришла после смерти матери сама. Просто проскользнула в дверь и быстро шмыгнула в комнату. Когда он пошел за ней следом, она сидела, забившись под кровать. И он сразу решил ее оставить. Жизнь отнеслась к Малинке без особой жалости. Правый глаз был подбит и вытек. Кончик хвоста отрезан. Малинку мучили, но не успели замучить до конца. Она как-то вырвалась и убежала. И Тимка принял два важных решения. Во-первых, если увидит какого-нибудь мучителя кошек или узнает про такого, то обязательно поговорит с ним по душам. А во-вторых, он решил предпринять всё, чтобы сделать Малинку счастливой кошкой. Ведь маму, свою родную единственную душу, которая его любила так, как никто, он сделать счастливым не смог. И ведь немного-то нужно было! Всего лишь больше внимания! Стал он баловать Малинку, как никого до этого. Дошло до того, что она приходила ночью и будила его, чтобы он отнес ее поесть, и ела только в его присутствии. Мало того, она просилась на ручки, поднимая лапки, как ребенок! Спала в его изголовье на подушке. И он впервые почувствовал себя нормальным, нужным кому-то человеком! Ночью, прислушиваясь к сопению кошки, счастливо улыбался. И не заметил признаков – тяжелого дыхания, одышки, подволакива-

ния ножки задней. Думал, неудачно спрыгнула с высоты. И когда случился приступ, был не готов. Надо было заметить признаки! Тащить к ветеринарам! Вытрясти перед ними кошелек до доньшка, чтобы бегали, лечили. Нет, он просто остался сидеть с мертвой Малинкой на руках и вкусом ее крови во рту, потому что пытался вдуть воздух в ее ротик, а у нее хлынула горлом кровь. И он не стал выяснять диагноз, все эти отчего и почему. Потому что решил, что причиной был он сам. Это ему кто-то грозный и беспощадный давал знак, что недостойн он того, чтобы кого-то баловать и делать счастливым. Даже кошку. Ведь девушки сторонились его. Хотя он знал, что еще видный и вполне по-мужски красив, но как будто за его спиной кто-то приоткрыл дверь и оттуда вдруг засквозило так, что все вздрагивали и сторонились.

Как-то в книжном магазине, без разбора листая книги, он наткнулся на одну строчку: «Шумеры считали, что надо постоянно кормить умерших, иначе они, испытывая голод, превратятся в голодных злых духов». Повернув, посмотрел обложку. Книга называлась «Мифы шумеров». С тем и ушел. Но мысль засела в голове – надо кормить своих умерших. И решил, они, шумеры эти, наверняка ставили им каждодневно всякую пищу, какую и сами ели, а по праздникам, наверное, приносились кровавые жертвы. У японцев, например, есть религия синтоизм, они возжигают благовония и поклоняются духам предков. То есть в каждой культуре по-разному. Он же будет давать своим то, что не успел добавить при жизни – свою любовь. И стал он каждый день перед сном проговаривать маме, а потом Малинке слова любви. При этом старался представить их воочию перед глазами. Когда же понял, что лицо мамы и мордочка Малинки часто теряют контуры и расплываются в воображении, то завел особые блокноты, куда стал вклеивать распечатанные на принтере маленькие фото, и сначала писал свои ежедневные признания в любви под ними, а потом прочитывал. Вот такая у него выработалась особая поминальная служба.

Когда появилась Ленка, он воспринял ее появление как признак милости к себе. Судьба предлагала ему новый шанс. Конечно, не всё ему в ней нравилось. И металлическое позвякивание в голосе, и холодок, то, что он ненавидел в женском голосе, тоже имелись. Ну и бог с ними, с недостатками! У мамы тоже были недостатки, и Малинка часто царапала его с особой яростью, и он понимал теперь, что не бывает живых существ без недостатков. Главное, их желание быть рядом, их согласие принимать твою заботу и любовь.

Со временем он убедил Ленку, что с ним надо разговаривать помягче, потому что он раздражительный, и, кажется, она его поняла, потому что стала щебетать таким голосом, что даже, кажется, перебор. Звала его Тимой. И вроде всё слава Богу! И было бы всё действительно хорошо, если бы не этот китайский болванчик!

Как-то в выходной, гуляя с Ленкой в Центральном городском парке, который раньше назывался парком имени Максима Горького, они подошли к искусственному озеру и ели мороженое, любясь на белых лебедей. Вдруг он заметил, что Леночка, стоявшая по левую сторону, вдруг вынула свою руку, которой держалась за него, перешла вправо и стала лизать свое мороженое, старательно отворачиваясь в сторону.

– В чем дело? – спросил он и, глянув влево, заметил проходившего мимо своего недавнего клиента, которому продал иконку. Заметил еще, что Ленка отвернулась еще более старательно, и это было подозрительно. Когда клиент прошел и скрылся среди толпы, он снова спросил: – В чем дело?

– Знакомый один, – отмахнулась она.

– Какой знакомый, близкий? – спросил он с намеком в голосе.

– Так, – дернулась она, – было у нас давным-давно, еще до тебя, и то всего раз.

Вот это-то как раз она могла и не конкретизировать. Потому что так от случайных знакомых люди не прячутся.

– Мы встретились один раз и потом сразу расстались, понимаешь?

– А что такое? Не сошлись во взглядах?

– Да нет, он просто чужак такой, лекции тебе читает, грузит тебя всяким, в общем, снос мозга. Да..., у него тоже есть иконы, как у тебя! Много икон! Он мне показывал икону одного странного святого, у того глаза косили страшно! Говорил, что она беды отводит! Никодим Отводящий или Матвей...

– Может, Никола Отводящий?

– Вот! Вот!

Вот, вот. Он почувствовал вдруг, что откуда-то потянуло промозглым сквозняком, таким странным, что мороз по коже.

– Так когда, говоришь, с ним встречались?

И она, преданно глядя тебе в глаза, сообщает:

– А я помню? Кажется, год назад или полтора!

Вот он, знак судьбы! Судьба говорит: «Не тебе делать кого-то счастливым! Не тебе кого-то баловать, холить и лелеять! Тебе предназначено совсем другое!» И сразу как-то заломило в затылке и застучало в висках! Николу-то я всего неделю назад продал этому китайскому болванчику!

– Знаешь, Леночка, я вдруг вспомнил, что у меня важная встреча по работе! А я забыл!

– Какая встреча в выходной? Ты что, меня тут бросишь?

– Ну что ты! Я тебя довезу до дома, а сам поеду. У нас, понимаешь, выходных не бывает! Бизнес есть бизнес, как раньше любили говорить.

– Ты ведь правда не ревнуешь?

– Конечно, нет, тем более год назад и я был не один, – приврал он.

– И я о том же! Кто станет ревновать к тому, что было давно!

Давно! Неделю назад! Он был на взводе. Придя домой, он исходил из угла в угол по комнате, наверное, несколько километров и теперь стоял перед телефоном. Решение созрело быстро. Они поговорят. Мирно. Выяснят степень привязанности к этой женщине. И решат.

19

Резко прозвучал звонок городского телефона. Скробкин уже почти успел отвыкнуть от этого древнего способа общения. Но держал телефон на тот непредвиденный случай, когда кто-то из старых знакомых или родных, по возрасту не сумевших привыкнуть к сотовой связи, захочет с ним пообщаться. Подумалось, что тетя Вика, мамина сестра, которая периодически названивала, выполняя тем самым долг перед покойной сестрой. Она как раз должна была уже звонить. Приготовился услышать в трубке: «Мишенька, дорогой, здравствуй!»

– Приветствую! – раздался крепкий мужской голос. Не старческий. – Это с антикварного беспокоят. Михаил?

– Да, – ответил Скробкин, вспомнив, что сам написал в антикварном этот телефон в блокноте и подписал. – Михаил. А вы?

– Меня зовут Тимур! Если помните, вы в последний раз брали у нас икону Николы Отводящего?

– Как же, как же, конечно, помню, – улыбнулся Скробкин. Тимка спрашивал, помню ли я его. Еще как помню, Тимка!

– У нас появилась икона на реализацию. По всему видно, что скорее всего семнадцатый век. Житийная. Старобрядческая.

– А какой сюжет? – Михаил на минуту забыл, что думал про Тимку, просто предложение было интересным! Семнадцатый век!

– Усекновение главы Иоанна Крестителя с клеймами. Но главное, что сюжет передан последовательно по углам, как в комиксе.

– Да, да, да! Я уже слышал про такой неординарный прием! И как посмотреть?

– Понимаете, у нас в магазине затопило! Будем делать ремонт. А икону уже пора возвращать владельцу. Может, заедете ко мне?

– Заеду! Сейчас можно? Диктуйте адрес!

Адрес был тот же самый! Всё сходилосЬ! Тимка жил всё в том же многоэтажном доме, который построили недалеко от барака, в котором когда-то жил Скробкин. Барак тот, бабушкин, давно снесли, а белые и серые панельные многоэтажки стояли как ни в чем ни бывало. Да и что им делается? Миша ездил туда иногда пройтись, чтобы восстановить нервную систему. Называл он это «поездкой на родину». Правда, на месте его барака построили школу. Но еще стояли в ряд памятные с детства три деревца – два карагача и акация. Там теперь было школьное футбольное поле и под деревьями стояли скамейки. Миша садился и размышлял. Иногда памятью своего учителя дядю Васю, он покупал какой-нибудь напиток и делал кору вокруг акации, возливая на землю из бутылки жертвенный дар. Дар памяти.

Сейчас, пока ехал на такси, поймал себя на ощущении, что немного волнуется. Как оно всё будет? Все-таки друг детства! Но не все люди сохраняют в памяти свое детство как нечто священное. Тимка мог сказать себе: «Подумаешь, друг! Когда это было?» И тогда всё! Вместо радости и воспоминаний – дежурные фразы и улыбки, и неловкость.

Взбежав на третий этаж, Скробкин понял, что даже дверь та же самая, обитая черным дерматином и фигурными гвоздиками. Так обивали раньше двери и даже диваны.

Тимка открыл дверь и церемонно раскланялся. Скробкин улыбнулся и подумал: а что будет, если он с порога вдруг завопит: «Тимка, это я, Миша Скробкин!», но почему-то сдержался. Прошел в комнату. По стенам иконы, фотографии, пейзажи.

– Кофейку? – спросил Тимка.

– Не откажусь!

– А может, коньячку?

– Может быть, потом, когда дело сладится. А где, собственно, сама вещь?

– Сейчас принесу, а вы пока осмотритесь. Вот на этой стене есть интересные вещи, и у меня всё продается, – и Тимка вышел.

А ведь иконы, собственно, и не было. То есть она когда-то была. В точности такая, как описал, но давно продана. Икона была предлог. Глупый! Как теперь выйти к этому китайскому болванчику и объявить, мол никакой иконы нет, а позвал я вас, чтобы поговорить про Ленку? Вот так вот? И чем больше стоял в нерешительности на кухне, тем сильнее вдруг холодело в голове и сзади, как будто форточку открыли зимой, а он весь взмыленный. Потрогал голову. Точно взмыленный! Пошел в комнату, к нему. К этому Ленкиному толстячку. Сучка! Какая сучка! Стоп! Надо охладиться! Он не имеет права на нее злиться! Она может любить кого хочет, встречаться с кем угодно, потому что отношений они никак еще не скрепляли! И что, собственно, такое эта Ленка? Она ему никто, и он ей тоже! Чего же он, собственно, в мыле стоит и смотрит на этого болванчика? Да потому что, хоть отношений они с Леночкой не скрепляли, но он в прошлый раз дал ей запасные ключи от квартиры, и она взяла! А перед тем как взять, одарила его самым нежным взглядом, на какой была способна, и целовала в губы, как бы скрепляя этот молчаливый ритуал любви. Ведь ключи от дома кому попало не дают. И она это прекрасно понимала!

А болванчик, кажется, почуял неладное! Весь стал такой серьезный!

– Что? – вдруг неожиданно для себя почти весело спросил Тимур и почувствовал, как по жилам побежал ток. – Икона нужна? Тебе, вот, икона, значит, нужна? Сейчас я тебе принесу икону! Подожди только немножко!

С этими словами Тимур, улыбаясь, схватил совсем ошалевшего от изумления толстяка и стал душить. Тот оказался сильным и попытался сделать подсечку и повалить Тимура на пол, но неудачно. Тимур увернулся. Потом толстяк вцепился в его руки и пытался разжать. Опять мимо. Зря, что ли, он вел такую жизнь, что шалишь! Тимур вдруг вспомнил, что это папкино словечко, которое тот любил повторять, и уже громко крикнул:

– Шалишь!

– Ти-и-и-м-ка, – просипел толстяк и стал закатывать глаза, – Ти-и-и-м...

«Что, Тимка? Почему Тимка? Откуда такая фамильярность?» – скрипнул зубами Тимур, но чуточку разжал руки.

– Ти-им-ка, я Ми-и-ша, Миша Скробкин-н! – сипел толстяк.

Еще сжимая горло, но не так сильно, Тимур пытался понять смысл услышанного. Потом взгляделся в лицо толстяка и отбросил его. Тот упал на диван, на карачках сполз и так же пополз по ковру, кашляя, и когда дополз до края, блеванул. Потом лежал и сипло дышал. Потом встал на четвереньки и сказал хриплым голосом: «Тимка, ты чокнутый? Ты же меня чуть не убил!»

А Тимур смотрел на толстяка, на этого Ленкиного болванчика, и тот вдруг стал ужиматься и уменьшаться в росте, пока не превратился в тощего и долговязого Мишу Скробкина, а потом опять увеличился, и вот вам китайский болванчик. Но нет. Просто перед ним стоял повзрослевший и потолстевший Миша Скробкин. Тот самый, которому Тимкина мама наливала дополнительную порцию борща погуще и не слушала возражений, потому что: «В чем душа держится у ребенка!»

И Тимур ошалело смотрел на это превращение, потом двинулся к Мише и потрогал руками, только потом протянул вдруг почти пропавшим голосом:

– Миша!

А Миша уже очухался.

– Вот тебе и усекновение главы Иоанна Крестителя!

Тимур, нет, не Тимур, а Тимка, чувствовал себя так, как будто старые времена наконец вернулись и он опять не один на белом свете. Шутка ли, Миша нашелся! Он подошел к Мише и обнял его.

– Прости, Миша, не понимаю, как нашло на меня, это наваждение какое-то! Из-за бабы чуть друга не убил! Я бы себе потом никогда не простил!

– Из-за какой бабы, Тимка? – удивился Миша.

– Из-за вот этой самой, – Тимка вынул из кармана телефон и показал Мише фото на аватарке.

– Лена! – протянул Миша. – Вот это да! Как в романе!

– Вот! Вот! И лежал бы ты здесь трупом, убитым из ревности! Как в романе! Пошли лучше, что-нибудь примем для здоровья.

Для здоровья приняли коньяк, а когда он закончился, допили любимый Ленкин ликер. А потом стали пить чай. Помянули Тимкину маму. Тимур рассказывал, как и отчего она умерла. Помолчали.

– Как же ты живешь, Миша, как твои жуки пожидают? – вспомнил он детское Мишино увлечение жуками. – Или ты теперь только иконы собираешь?

– Жуки, Тимка, это навсегда! Жуки у меня в душе!

Тимка рассмеялся.

– Миша, в душе или боги живут, или ангелы! А ты – жуки!

– Жуки, Тимка, они ведь тоже с крыльями и сверкают! Чем тебе не ангелы?

Тимка улыбнулся. Их знакомство с Мишей Скробкиным началось когда-то с жуков. Всё началось даже не с жуков, а с того, что в самом конце Кукурузного переуллка построили три сверкающих белой фарфоровой плиткой дома. Они очень выделялись среди окружавших их серых трехэтажных построек. Мальчишки из серых домов стали задирать новоселов из белых. Тогда белodomники, как их называли враги, объединились в отряд. Так началась великая война серодомников с белodomниками. Война сначала велась с помощью духовых ружей и пистолетов, стреляющих больно-пребольно пластиковыми шариками, потом как-то вдруг разом стали преобладать рукопашные бои. История войн в мире отличалась одна от другой всё большим совершенствованием оружия. Солдаты же Кукурузного переуллка, подобно монахам Шаолиньского монастыря, постепенно перешли на кулаки. Миша Скробкин жил в старом п-образном сталинском бараке и не имел отношения ни к белodomникам, ни к серодомникам. Миша имел отношение только к жукам. Он ловил и держал жуков в специальных аквариумах с почвой, травой, корой деревьев. Миша знал всё о жуках. В тот день он взял с собой на охоту за жуками двух ребят с белых домов – Тимку и Гильку. Ребята были маленькие и ни за кого не воевали. Тимка нес в руках банку, а Гилька сачок. Гильку на самом деле звали Гильгамеш, но все говорили Гилька, и он не возражал. Когда они в овраге увлеченно искали жуков, к ним медленно и тихо подкрались двое белodomников – Череп и Мара. Мара была девочка, но такая, что командовала всеми. «А мы сейчас вашу баночку разобьем и жуков всех раздавим», – сказал, ухмыляясь, Череп и, оглянувшись на Мару, поймал ее одобряющую ухмылку. Череп был тупой и сейчас предвкушал потеху. «Их нельзя убивать, – ответил Миша серьезно. – Жуки – это прекрасно устроенная самодостаточная биологическая система. Когда вы давите жука, вы убиваете целый мир». – «А мне плевать, – заорал Череп, чувствуя, что начинает приходить в нужное восхитительное настроение, когда действительно на всё плевать. – Я и тебя сейчас как жука раздавлю!» С этими словами Череп подскочил к Тимке и выбил из его рук банку. Миша вдруг бросился на колени и стал зачерпывать ползающих среди битого стекла бронзовок ладошками и отбрасывать подальше в траву. Гилька же начал подпрыгивать и приплясывать, приговаривая: «А я ему другую банку принесу и жуков наловить помогу, и ля-ля – тра-ля-ля!» Гилька приплясывал, но Тимка видел, что в глазах были слёзы, и Гилька еле терпит, чтобы не зареветь. И Тимка встал, заслонил Гильку и сказал: «Уходи, а то я тебе скажу, он тебе уши оторвет». Череп опешил. Тимкиного батю знали все. Он был резкий мужик. «Че сказал шкет?» – наконец надвинулся на Тимку Череп. И тут встал Миша Скробкин и дал Черепу в кадык. Тот сел на корточки и засипел. Потом встал весь красный и, сплюнув, сунул руку в карман. «Нож, – подумал Тимка, – или бритва!» – «Череп, назад!» – приказала Мара и, уходя, с интересом посмотрела на Мишу. Череп, шипя от злости и матерясь, поплелся за ней.

Что же стало с ними теперь? Наверное, ничего хорошего. И армия белodomников, и армия серодомников, вырастая, превращались в обычных бандюганов. А Гилька стал хорошим хирургом. Работал теперь на Красный крест в каких-то очень горячих местах нашей земли.

20

Тимка спал и видел сон. Стоит он и размышляет перед скоростным шоссе. До ближайшего моста через шоссе еще пилить и пилить. А перебежать опасно. Идет поток. Шоссе скоростное. И жара. Вдруг какая-то точка блестит на бетоне. Двигается. Да это же жук! Ползет жук через скоростное шоссе. Он не ползет, он идет. Чувствует ли, что шоссе скоростное? Бред. Это у него от жары нелепые мысли. Наверное, жук имел бы шанс перейти дорогу, если шоссе

было рассчитано под его скорость. Но нет. Никаких шансов даже для очень проворных жуков.

Шелестят шины. Автомобили проносятся так быстро, что жук даже не способен уловить их движение. Утешает только то, что он не почувствует боли. Не потому, что смерть придет на большой скорости. Просто насекомые не чувствуют боли. У них нет таких органов.

Сколько раз в детстве бестрепетно и с хрустом давил их каблуком намеренно. Потому что не относился к ним как к одушевленным существам. Помнит он сердобольную тетку, которая корила его: «Им же больно!» Какое-то жалостливое чувство проникло тогда в его сознание – им больно! На время Тимка перестал давить всяких насекомых именно поэтому. Им больно. Но потом забыл это и опять давил их, из-за той гадливости, что они в нем вызывали.

А оказывается, им вовсе не больно. Природа снабдила их таким утешением – они не страдают. Собственно, они и в утешении не нуждаются, поскольку не страдают. Но та же природа не оставила им больше никаких преимуществ. Их хитиновый покров слишком хрупок для нашего мира. Он пригоден только для мира жуков.

Однако, этому жуку фантастически везет! Он благополучно перешел шоссе и скрылся в придорожной траве. Интересно, заметил он сам, как ему сегодня везет? Наверное, нет. Наверное, он даже не заметил ни единой машины. В жучином мире машин нет. Он шел как свободное существо свободного мира – бесстрастно, уверенно, целеустремленно. Это вот Тимка переживал за него. Это его пульс учащался, страхась за судьбу этой бесчувственной твари.

Наверное, в сравнении, именно он слаб и несвободен, а жук велик! И у жука ничего не болит. А у Тимки с некоторых пор по ночам печет сердце. Или это нерв, но болит и болит. Как уголек! Ох, как плакал он, обиженный на этот уголек, такой красивый, что невозможно было его не схватить, чтобы разглядеть получше, а он прожег ладонь! Мама! Мама утешает, прижимая его ладонь к своей груди, ближе к сердцу, и шепчет: «Всё, всё пройдет, не плачь!» Потом присыпает ожог солью и перевязывает чистым платочком. А уголек всё жжет! И он переместился с ладони в самое сердце. Мама! Сердце мне надо присыпать солью, чтобы быстрее зажило! Не присыплешь! И нельзя сердце отгрызть, как это делает волк, попавший в капкан! Он отгрызает лапу! Ну что же. Может, оно и лучше так.

Вдруг возникает толстый Миша Скробкин и говорит: «Жуки – это ангелы!» И возникшее откуда-то гулкое эхо кричит: «Ангелы! Ангелы! Ангелы!»

21

Ултарак Сагатович думал. Ситуация с этим серийником стала угрожающе осложняться. Кажется, в нем проснулся зверь, или он вошел во вкус. Они предполагали с доктором Скробкиным, что тот убивает только тех, кто нападает на него сам. Анализ на алкоголь в крови жертв косвенно подтверждал эту версию. Все убитые были пьяны. А пьяный человек, как известно, склонен к немотивированной агрессии. Но последний случай с владельцем «Бентли» давал обратную картину. В крови водителя алкоголь не нашли. И это было плохо. Это не укладывалось в его кодекс чести. Версия благородного убийцы, убивающего только тех, кто сам хочет его убить или покалечить, ему была по-человечески симпатична. Конечно, это было незаконно, но справедливо. Сам Ултарак Сагатович на нарушение закона не пошел бы, потому что он дал присягу соблюдать закон и карать тех, кто его нарушает. Но если бы не давал никакой присяги, то, наверное, не знал бы, как поступил. Потому что, кроме закона, была еще справедливость, которая гласила: «око за око, зуб за зуб», и в давние времена именно такая справедливость царила в степи. Сам Ултарак

Сагатович придерживался, кроме закона, очень простой философии жизни. Верил он, что отец, мать, бабушка и дед живут в его памяти, а в их памяти их отцы, матери и деды, а у тех своя память предков, и так они все и живут, вложенные в память друг друга. Поэтому и жить надо так, чтобы обязательно тебя помнили. Если забудут тебя, то с тобой вместе пострадают все, кто за тобой. Поэтому на нем была громадная ответственность.

Что важнее – добрая память или злая? Это глупый вопрос. Но задавать его приходится, потому что ведь есть те, кто знаменит злодеяниями и разрушениями. Как звали того шельмеца, что сжег целый храм, чтобы прославиться? И ведь его действительно все помнят! Но это дурная память! Он думает, что память о тебе обязательно должна оставаться доброй, если, конечно, ты не шайтан какой, служащий злему закону. Потому что иначе тебя будут стыдиться твои предки, а также будут стыдиться твои потомки и постараются тогда тебя забыть. Он родился больным и хилым, поэтому родители, боясь за его жизнь, дали ему такое имя – Ултарак⁴. Еще он был некрасивый и узкоглазый – сыгыр. Как-то бабушка сказала соседке: «Нағашыларға тартқан сыгыр бо!»⁵. Это долго жило в нем как язва. Но он сумел преодолеть почти всё. Он много тренировался и стал таким сильным, что его перестали дразнить сверстники, а наоборот, восхищались его силой. Красивее, конечно, он не стал, но старался поступать так, чтобы ни он, ни предки, ни потомки его не стыдились. А этот парень, убийца, сильно упал в его глазах, за то что пошел, исполняя закон зла. Став шайтаном, он теперь являлся его личным врагом, и теперь точно при встрече придется показать ему, что такое тангенс-көтангенс!

Они уже проверили всех лоточников, торгующих подержанным инструментом на пяти базарах и трех стихийных воскресных толкучках. Почти все были взяты на учет и с ними была проведена разъяснительная работа. Были проверены все имеющиеся в продаже у лоточников инструменты, подходящие под описание – молотки, топоры, даже на всякий случай проверили большие гаечные и разводные ключи, и, наконец, первый результат! Следы крови на деревянной рукоятке молотка на рынке с хорошим названием «Даурен»! След соответствовал крови одной из жертв по картотеке убийств. Начали трясти лоточника. Торговец уверял, что кто-то уронил этот молоток, а он поднял и положил на лоток. Но перед этим спросил всех вокруг, чей молоток. Никто не признал его за свой. Все соседи этого лоточника попали под подозрение. Всех шерстили по биографиям и на предмет алиби, по дням убийств. Но ни один не подходил под вероятное психологическое описание, составленное специалистом Михаилом Скробкиным. Человек должен был быть физически сильным и поджарым, как молодой волк. А торговцы все как на подбор были рыхлые и хронически больные, к тому же сильно потрепанные жизнью люди.

Версия, что убийца просто роняет молоток, а потом покупает новый, начала подтверждаться. Ждали следующей субботы и воскресенья, чтобы оцепить рынок «Даурен» и быть наготове. Сил, чтобы оцепить все рынки города, никто бы без веской информации не выделил. Дело осложнялось тем, что рынок работал все дни, кроме понедельника. И приди убийца в любой, кроме субботы и воскресенья, день, всё было бы напрасно. Версия держалась на том, что убийца до сих пор орудовал в ночь с пятницы на субботу. А значит, был склонен к консерватизму и соблюдал определенную болезненную привычку или ритуал. Последнее убийство – владельца «Бентли» произошло в прошлую пятницу, и орудие этого убийства, видимо, было уже продано на рынке. Или же всё еще было на руках Пятницы, как его в шутку назвал криминалист, но прозвище

⁴ Ултарак (каз.) – подметка.

⁵ Видно, пошел глазами в материнскую родню.

прижилось. В общем, ждали субботнего и воскресного рыночного дня и возможного нового убийства в пятницу.

22

*...уже врѣжеса Дивь на
землю. Се бог отскія...*⁶

Бедный он, бедный Худой Жник. Вот он кто. Впрочем, никто его так не называет. Говорят – «худо-жник», сокращая звук «Й», что еще более обидно. Ведь сокращенное прозвище говорит об его обыденности, о том, что оно уже стало привычной притчей во языцах! И ведь не самое плохое прозвище. Вон соседского Демьяна еще в детстве прозвали Прокуда. Это за дурной нрав его и стремление зло подиутить над сверстниками. Демьян-то теперь уже обженился и детьми оброс, а всё равно Прокудой и остался, так что и дети его теперь Прокудины. А его, Яра, детей как обзовут, коли пойдет за него какая баба? Художниковы или Художники?

Яр вздохнул. О женитьбе было нечего и думать. Без умения строить крепкое хозяйство никто за него не отдаст свою дочь. Впрочем, гонит Яр дурные мысли и, сплюнув через левое плечо, складывает пальцы в кукиш.

– Да не сбудется, да не сбудется, – бормочет.

Знает Яр со слов дедуна – так звал он старого колдуна – что дурные мысли подстерегают особые лярвы. Они подлетают, присасываются и потом ведут человека, как бычка на поводке, к исполнению злой и горькой судьбы. Точно такие лярвы гнали стадо туров и единорогов, чтобы подвести их под выстрелы охотников или вовсе свергнуть с крутого обрыва.

Именно так всё было в прошлый раз. Дедун тогда приказал:

– Рисуй туров, со скалы сверзающихся!

Долго трудился Яр, высунув язык от прилежности. Вышло на славу. Дедун, взглянув, причмокнул и погладил бороду. Потом так же старательно обвел он черты туров смесью жира и охры, натертой на крови туров.

– Писанница-то писаннице рознь, – бормотал он. – Твоя писанница хороша чем? – спросил он и сам же ответил: – Не тем, что баская⁷, а тем, что сила в ней!

– Что за сила-то, дедун?

– Сила-то? Большая то сила! От богов сила, не иначе!

– Расскажи, дедун, какие они, отские⁸ боги?

Но молчит колдун. То ли боится чего, то ли сам в неведении. Наконец произносит:

– То, малец, тайные и хитрые знания. Не всех богов нам знать положено.

– Почему же, дедун?

– А как же, ты сам помысли? Чем больше богов ты знаешь, тем больше их владеет тобой. Какая же тогда жизнь пойдет? Ни присесть, ни передохнуть, знай только служи им! – дедун испуганно оглянулся, почувствовав, что сболтнул лишнего.

– Расскажи еще, дедун! – взмолился Яр. Хоть было страшно, но невтерпез как интересно!

– Потом разве, – пробормотал дед, – а сейчас пляс надо устраивать, зови охотников! – отмахнулся колдун.

Так Яр и не узнал до конца про отских богов. А сила-то была в словах колдуна, и правда. Потому что туры бежали так, что земля тряслась. Мы-

⁶ Слово о полку Игореве 108-109.

⁷ Баская (др.-рус.) – красивая.

⁸ Отские (др.-рус.) – отеческие.

чали от страха, выпучивая налитые кровью глаза, и пенная слюна падала клочьями из отверстых ртов. И они падали. Падали вслед за вожжаком, обезумев от страха более сильного, чем жадный зев пропасти.

Яр глядел на это с безопасного места, с опушки леса, холмом возвышавшейся над ложиной, по которой пробежало сейчас стадо. Уже осела пыль, поднятая копытами стада, исчезнувшего в пропасти. Со дна пропасти доносилось предсмертное мычание разбившихся, но еще живых, когда-то мощных и красивых туров. Слышались радостные крики охотников, и над всем витал и разливался страх и становился всё крепче и крепче, потому что предсмертный страх самый сильный.

– Я не боюсь, – пробормотал Художник, всё это сотворивший, и поднял над головой кукиш.

«Нет надо мной ничьей власти! Даже отских богов, – подумал Яр, – не хочу их знать!» И было испугался, но потом поднял руку с кукишем выше и бесстрашно взглядывался в пустую голубизну небес, туда, где промышляли тучные лярвы и боги, питающиеся страхом.

23

Эта ерунда должна была когда-нибудь произойти. Просто потому что закон подлости, он ведь всегда против тебя! А вот на чьей стороне сам этот закон подлости, это вопрос на миллион, верно? Потому что и подлецы стонут и говорят: вот ведь закон подлости сработал! И вполне милые и добрые люди тоже подвержены этому закону. И он действительно существует, такой закон! Который против всех! Вообще-то Тимур подозревал, что все законы земли, и природные и человеческие, все работают против человека. Потому что жизнь, вообще-то, это ведь какой-то ад крошечный! Люди пытаются как-то быть счастливыми, и урывками им это удается. Урывками! Потому что стать счастливым – это какой-то хакерский прием. Это надо уметь взламывать окружающую систему. И всё равно, даже при сверхуспешности, тебя где-нибудь и когда-нибудь будет подстерегать закон подлости!

Его, Тимкина, удача, покинула его в субботу, на рынке «Даурен». Этот рынок располагался на пересечении улиц Комсомольской и Софьи Ковалевской, по старому наименованию, а новых названий Тимка не помнил в упор. По сути, это была толкучка старого железа и инструментов, и привлекал его этот базар именно этим, что это была толкучка не слишком зажиточных людей, которые за оброненным ржавым гвоздем нагнуться не постесняются. Тем более молотком! И он, уверенно уронив молоток у ларьков с красками, клеем и другими химикатами, пошел себе дальше, но краем глаза заметил, нет, вернее всего почувствовал звериным чутьем какое-то движение за спиной. Оглянувшись, увидел сразу троих парней в гражданском, которые с разных сторон устремились за ним. И всё вмиг понял. Побежал, заскочил в свой фургон, который как по заказу оставил заведенным, и сразу дал газ.

Тимка, не скрываясь, ехал к дому. Номер его, конечно, уже срисовали, по нему установят личность и адрес, и это дело каких-то тридцати минут. Но верилось, что пробуксуют они с выездом еще минут двадцать, слишком уж неторопливые пошли теперь служители Фемиды. А ехал он домой только за одной вещью, которую вообще-то должен был всегда иметь в машине. Ругал теперь себя за это. Вбежав на третий этаж, открыл дверь ключом. Рука не дрожала. Уже давно его руки не дрожали от волнения. Это потому, что заранее записал себя в проигравшие. Да, он знал это давно, что за ним придут, и когда это случится, он примет всё совершенно равнодушно и даже с бравадой. «Помирать, так с музыкой!» – так говорили герои старых книжек, старые наивные герои прошлого, над которыми смеются теперь все кому не лень. Но он не смеялся.

Зайдя в дом, он выхватил из-под стекла серванта большую фотографию на картоне, где он и мама. Он с пистолетом делает грозный вид, изображая пирата, и смеющаяся мама. И надпись: «Тимоша, улыбайся!» Ради этой фотки и вернулся, даже не ради фотки, потому что она есть в галерее телефона, а ради этой надписи маминой рукой. Это было всё, что осталось от мамы. Остальное спалил в костре, когда пытался избавиться от боли застывшей в груди, в голове, в глазах. Хотел спалить память, поэтому бросил в костер фотоальбомы, мамины вещи и даже детские игрушки, которые она ему покупала и которые вначале бережно хранил. Когда опомнился, то ничего не осталось, кроме этой фотографии за стеклом серванта, бывшей на виду и оставшейся при этом незамеченной.

Взял ее, сунул за пазуху и вышел. Затворять не стал, потому что уже сюда не вернется при любом раскладе. В дверях подъезда увидел Ленку, вспомнил, что сам ей дал ключи от квартиры! А ну как накрыла бы ее тут полиция?! Допросы, неприятности. Нет, такую свинью он ей не подбросит.

– Ты куда?

– На дачу!

– И я с тобой! Можно? Я как раз сегодня взяла отпуск за свой счет. Душа просит праздника!

Тимка, не задумываясь, кивнул:

– Поехали!

А что он еще мог сказать? Бедная Ленка, какой праздник тебя ожидает, когда всё откроется! «Ну, хотя бы смогу нормально попрощаться», – сказал он себе, выкатывая мотоцикл из подъезда, там, где раньше был запасной выход и подсобка дворника. Он выкупил эту подсобку у прежнего владельца именно под эту полуспортивную «Хонду».

– Ого! – удивилась Ленка. – Это неожиданно!

– Садись! – кивнул Тимур и подал ей запасной шлем.

– На дачу! – весело крикнула Ленка, на что открылось окно квартиры на первом этаже и высунулась старенькая и сморщенная тетя Нина.

Вообще-то, дача – это громко сказано. Была только летняя постройка на садовом участке, который мама получила от завода пластмассовых изделий. Отец сварганил временку на первое время, но так и не превратил ее во что-то более фундаментальное. Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное.

После смерти мамы Тимур отдал дачный участок дяде, двоюродному брату мамы, у него не было времени на дачные дела, а дядя был тоже одинок и на пенсии. Дядя умер в этом году, так и не успев ничего перестроить, и надо было по закону ждать полгода, чтобы опять переоформить участок на себя. Стало быть, полиция выйдет на этот участок не скоро.

Там Тимка и решил переждать несколько дней, чтобы признаться Ленке во всем, распрощаться с ней и потом рвануть через горы в бега, в неизвестность. Кстати, там уже был у него схрон с необходимыми вещами, а также обрез, собственноручно спиленный из папиной вертикалки Зауэр три кольца. Умирать, так с музыкой! Это были не пустые слова для Тимки. Именно так он собирался поступать!

24

Звонок. В дверях стояла Ленкина подруга. Кажется, ее звали Галя.

– Вы ко мне?

Какой дурацкий вопрос! Наша жизнь состоит из дурацких вопросов и ответов. Потому что мы вынуждены соблюдать условности.

– Да, к вам!

– Проходите, пожалуйста!

– Я лучше здесь, я ненадолго! Скажите, Лена к вам не приходила?

– Когда? То есть, я имею в виду, вообще или конкретно?

– Конкретно! Он ушла в субботу, а сегодня понедельник! На звонки она не отвечает. Я звонила к ней на работу, там сказали, что она взяла отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам! Я ничего об этом не знаю. Какие семейные обстоятельства?

– Подождите. Вы ей кто? Почему она должна вам что-то говорить?

– Я ее сестра, троюродная, и мы живем вместе! То есть я приехала к Лене и у нее живу!

– Ясно...

– Что ясно? Мне вот ничего не ясно! Может, я вам кажусь какой-то идиоткой, но мне просто страшно за нее! Он намекала, что у вас с ней, простите, конечно, за откровенность, возникли отношения, и я нашла ваш адрес в ее записной книжке.

– Вы проходите все-таки, не стоит разговаривать в дверях.

Девушка прошла в комнату и села на диван. Стала оглядываться на висющие по стенам иконы. Видно было, как лицо ее смягчилось и с него сошло напряжение.

– Сколько у вас всего... – она замешкалась, подбирая слово, и наконец выдохнула: – прекрасного!

– Извините, если не ошибаюсь, но вы, кажется, хотели сказать другое...

– Да, – удивилась девушка, – я хотела сказать, сколько всего доброго!

– Значит, вам нравится?

– Да, очень! Я вот шла к вам и боялась, а у вас как в храме!

– Теперь не боитесь? – улыбнулся Скробкин, – А чего же боялись?

– Стыдно признаться, но Лена большая выдумщица и любит меня пугать! Я не всегда ей верю, но иногда попадаюсь. Например, про вас она наговорила всяких ужасов, что сейчас даже стыдно вспомнить!

Скробкин внутренне напрягся. Какие ужасы про него могла наговорить Лена? Вроде в тот вечер всё было прилично.

– Что, если не секрет?

– Да ну, стыдно повторять, – девушка зарделась и вдруг заговорила быстро-быстро, как человек, которого отпустило после сильного страха. В ее речи сразу явно проступил украинский говорок. – Она ведь что сказала мне, что вы – Синяя Борода! Потому что вы лекцию читали про это, а потом она сказала, что вы сделали лазерную эпиляцию, и борода у вас не растет, а до этого как-то вы шли за нами, и это было страшно! – И она вдруг внезапно залилась слезами. – Ну, скажите же, что вы не он, не маньяк, который свихнулся на Синей Бороде! – И горько заплакала.

Это всё было так неожиданно и при этом так умирительно по-детски, что Скробкин сначала затруднился, что делать. Он все-таки подошел к дивану и осторожно погладил ее по склоненной головке с заплетенными в косичку волосами.

– Даю вам честное слово, Галя, что я не Синяя Борода и не маньяк!

– Правда? – всхлипнула она, – А откуда вы знаете, как меня зовут?

– Лена рассказала, но не сказала, что у нее такая замечательная сестра, и я думал, что вы ее подруга.

– А правда, что вы сделали эту, как ее, эпиляцию?

– Нет, Галя, борода у меня вправду не растет!

– Но вы же мужчина? – Галя еще больше залилась краской. Боженьки, что я несу!

– Мужчина, и всё, что положено мужчине, у меня выросло, – ответил Скробкин и сразу пожалел о своей грубости. – Просто у меня такая редкая ге-

нетическая наследственность. Есть даже такой же казахский сказочный персонаж Алдар Косе. Слышали, наверное?

– Нет, не слышала, и кто он?

– Это вы живете здесь недолго. Он национальный герой, безбородый обманщик.

– Обманщик – герой?

– Ну да, у каждого народа есть свой плутовской герой: Полинишель у французов, Петрушка у русских, Карагез у турков. В общем, у него не росла борода, как у меня. Но я не обманщик, уверяю вас!

Галя вздохнула:

– Зачем тогда вы шли за нами? Потому что вам Лена понравилась?

«Что на это ответить? Рассказать, что иногда видит тень над человеком и предчувствует опасность? Пожалуй, не поймет». Ответил просто:

– Конечно, потому что понравилась! Только я ей не очень понравился. Она и была-то у меня всего раз! – а сам подумал: «Вот к чему тень, к этому дню! А если она у Тимки, то он опять взбесился из-за своей дурацкой ревности?» Скробкин застыл от своей догадки, потом стал ходить взад-вперед, совсем забыв про Галю.

Галя встревожилась.

– Что?

Скробкин смотрел на Галю немигающим взглядом.

– Я, кажется, знаю, где сейчас Лена, вернее, у кого она!

– У кого?

– Есть один человек! Я сейчас позвоню ему, нет, я лучше поеду к нему, а позвоню, если его не будет дома! В общем, проверю. Галя, вы можете посидеть у меня, или лучше идите домой. Вот, возьмите визитку, там мой номер. Свяжитесь со мной позже.

– Нет, я с вами! – напряглась Галя, видя, что Скробкин стал сам не свой.

Он действительно испугался и повторял про себя: «Вот к чему тень-то, вот почему тень-то! А я дурак!»

– Ладно, поехали!

25

Ехали недолго. Молчали. Напряжение возрастало. Хотелось как-то его снять, сказать что-то, пошутить, но Скробкин понимал, что эта девушка живет по своим неписанным правилам и, возможно, примет его нервный треп за бездушные или, что еще хуже, за нескромные попытки приударить за ней. Девушки такого типа, как Галя, обычно скованы своим внутренним уставом не слабее монастырского. Для того чтобы успешно общаться с ними, надо всегда проходить длительный путь узнавания их границ. Скробкину всегда было легче общаться с женщинами, наделенными жизненным опытом. Он старался даже по улицам в толпе не идти за юными созданиями. Ты идешь себе, занятый мыслями, а девица перед тобой вдруг начинает вздрагивать, оглядываться и ускоряет шаг. Надо бы обогнать и показать, что ты идешь своим путем и никого не преследуешь, но ведь удивительное дело – девушки хоть идут мелкими шажками и сами вроде невелички по сравнению с тобой, а скорость развивают, что не обгонишь. И всё больше и пугливее смотрят на тебя, оглядываясь искоса, так, что было плюнешь и стоишь, будто бы задумался – пусть уйдет подальше и перестанет дрожать. А еще Галя ведь созналась, что где-то в глубине души допускала мысль, что, возможно, он свихнувшийся на Синей Бороде псих с ненормальными наклонностями. И это было обидно. Очень обидно. Но он постарался не показать, что его задело за живое подобное отношение к себе. Ведь чужие в конце концов люди! Тем временем уже подъехали. Распла-

тившись с таксистом, они вышли. Солнце близилось к закату. В это время, на короткий отрезок уходящего дня, вдруг всё заливается таким мягким и душевным светом, что кажется, будто мы живем в самом прекрасном и идеальном мире, и ничему злему нет никакого места. Освещаемый сейчас именно таким светом, глядя в лицо Гали, неожиданно похожее на сияющий лик с картины Боччони, он произнес: «Если нагрянем оба, они могут обидеться. В конце концов, это взрослые люди, имеющие право на свою жизнь. Пойду я, потому что знаю этого человека и его адрес. А если зайдете вы, то, возможно, возникнут ненужные вопросы и эмоции». Галя, конечно, пыталась возразить, но уступила, приняв правоту Скробкина, и осталась сидеть на скамейке у подъезда.

Скробкин уверенно взбежал на третий этаж и, улыбнувшись знакомой двери, обитой старым черным дерматином, позвонил. Дверь сразу открылась, крепкие руки полицейских уложили его, уткнув носом в пол и заламывая назад руки.

– Отпустите его! – раздался знакомый голос молодого опера Асхата Есенбаева. – Михаил Рафаелевич, как вы здесь оказались? – спросил тот, не скрывая удивления.

– То же самое хочу спросить у вас... – Скробкин спокойно отряхивался, в голову закрадывались самые мрачные мысли.

– О-о-у, Миша, айналайын, не могу тебе сказать торлет, потому что мы сами здесь в гостях! – коридор загромоздила высокая и плечистая фигура Ултарак Сагатовича. – Сен қалай мында жүрсін?⁹

Скробкин понял вопрос и, пытаясь, чтобы голос звучал без волнения, ответил, что здесь живет антиквар, у которого он покупает иконы для своей коллекции, его зовут Тимур.

– Он что-то натворил?

Ултарак Сагатович помолчал, что-то про себя решая, потом его лицо просветлело, как будто он преодолел какую-то нерешительность:

– Я почти уверен, Миша, что твой антиквар и серийный убийца с молотком – это один и тот же человек. И нам еще надо будет поговорить с тобой о нем, раз вы оказались знакомы.

Скробкин лихорадочно думал сейчас о многом и делиться мыслями ему не хотелось. А мысли были черные. Тень висела теперь и над ним, он чувствовал ее, как живое существо, которое дышало ему в затылок.

С детства он был наделен особой чувствительностью в спине и затылке. По правой стороне позвоночника струился по его спине непонятный ток и выходил из затылка, на уровне макушки. Не мог терпеть, когда говорят ему в спину и дышат в затылок. Тогда огненная змея в спине извивалась и доставляла неприятные ощущения, которые он никак не мог объяснить окружающим. Поэтому в школе сидел на последней парте, в парикмахерской держался за спину и извивался от звука жужжащей машинки.

«Так проявляется твой дар», – объяснил ему китаец дядя Вася, бывший монах, бежавший от режима Мао в Советский Союз и отмотавший сроки уже в сталинских лагерях. Дядя Вася был барачным соседом Миши Скробкина и его бабушки, а также первым учителем Скробкина в тайнах, связанных с познанием и применением жизненной энергии ци. Позже казахский баксы Альмагамбет также говорил ему об его экстрасенсорном даре, называя его по-казахски просто «арка», что в переводе означало спина. И вот теперь эта «спина» Скробкина была растревожена по самое не могу. В голове вспыхивали вопросы: «что с Леной?», «куда Тимка увез ее?», «на что способен его бывший друг, оказавшийся серийным убийцей, а значит, человеком с нарушенной пси-

⁹ Как ты здесь оказался?

хикой?», «надо ли рассказать всё полиции, спасая, возможно, Лену и сдавая друга туда, где с ним нянькаться никто не станет?» Он вспомнил Тимкины слова при последней встрече: «Знаешь, Миша, я бы себе никогда не простил, если бы убил тебя! Вот честно, роднее тебя у меня сейчас никого нет! Ты, и еще Гилька где-то живой ходит, остальные ушли навсегда!» Мелькнула мысль, что сдать сейчас Тимку – это наверняка убить его! И он понял, что не способен на такое, и не простит себя, если подобное произойдет. «Арка», казахское «арка» у мордвина Скробкина Михаила Рафелевича кричало ему сейчас по казахски: «Кет, кет!» – и, глядя прямо в глаза Ултараку Сагатовичу, он спросил:

– Можно я позже расскажу вам, что знаю об этом человеке? Там внизу меня ждет девушка, мы с ней собирались кое-куда пойти.

– Ой-бой, пашіркін¹⁰! Девушка! Конечно, айналайын, иди! Я рад за тебя! Позже поговорим! – Ултарак Сагатович сгреб Скробкина в объятия, как обыкновенно делал это всегда, до хруста! И отпустил. – Иди!

Скробкин на ватных ногах скатился по ступенькам и встретился взглядом с Галей.

– Сейчас поедem в одно место. Вообще-то я должен ехать один, но вы же не отстанете?

– Не отстану! И не думайте, – последние слова Галя произнесла твердо, лицо ее закаменело.

Именно такой твердости и решительности не хватало сейчас самому Скробкину, и он, стыдно признаться, с радостью воспринял такой ответ. Так не хотелось сейчас остаться одному и решать эту почти непосильную, как ему ощущалось, проблему в одиночку.

26

Еще стоя в квартире перед Ултаракom Сагатовичем, он вспомнил про Тимкину дачу, на которой не единожды бывал по детству. Это было одно из возможных мест, куда Тимка мог повезти Лену. Спустившись на первый этаж, он увидел в приоткрытой двери старушку, беседующую с участковым: «Так и крикнула: – На дачу! – и укатили с таким грохотом, что я чуть не оглохла!» «Однако, не оглохла», – подумалось Скробкину неприязненно. Всё! Дело оборачивалось таким образом, что времени почти не оставалось. Надо успеть, пока они вычисляют адрес!

Сроки невозможно было прогнозировать. Отсчет шел от категории очень быстро до очень медленно. Такси поймали с третьего раза. Никто не хотел ехать так далеко. Хотя за пройденное время Тимкина дача из загородной превратилась почти в городскую, так быстро разрастался город, захватывая территории бывших совхозов и огородов. Скробкин надеялся, что сможет узнать дачу по приметам своей давней подростковой памяти.

В машине он немного успокоился и логически обдумал ситуацию. В то, что Тимка, с его благородными замашками, сможет как-то навредить Лене, он не верил. Убивать мог, но только тех, кого считал последними подлецами, угрожавшими жизни людей. Он знал Тимку, который в детстве увлекался мушкетерами, Робин Гудом, Питером Бладом. Такой не мог стать бесчестным подонком. Благородным разбойником – пожалуйста! Маньяком-садистом – нет! Заберите у Д'Артаньяна его шпагу и пустите его по нашим темным улицам, и не удивляйтесь тому, как скоро у него в руках окажется сапожный молоток! Подбегав по адресу, Скробкин стал оглядываться и, казалось, как охотничья собака нюхать воздух. Галя смотрела на него с нетерпением. Она всю дорогу молчала, и видно было, что вопросов у нее накопилось много, но стоически

¹⁰ Пашіркін (каз.) – великолепно.

хранила молчание, за что Скробкин испытывал к ней большую благодарность. Он уже видел, что удача не отвернулась от них и главная примета была на месте. То была высокая, с двухэтажный дом, капитально выстроенная голубятня. В сумерках она казалась такой же, как много лет назад, но вблизи было видно, как облупилась когда-то голубая краска, и не слышно было прежнего неумолкающего воркования и живой возни, отчего сама голубятня тогда казалась живым существом на четырех ногах-столбах, в животе которого постоянно происходят какие-то непонятные пищеварительные процессы. Голубятня была пустой и покинутой. Но на Тимкиной даче светился приглушенный огонек.

Они зашли, открыв незапертую калитку. Просто петля была наброшена от калитки на столбик ограды, вот и весь замок. На скрип вышла фигура, и было видно, что она что-то держала в руках, слишком короткое для ружья. Скробкин узнал по фигуре, что это, несомненно, Тимка, а в руках у него обрез. Стало страшно. Он помнил цепкие руки, сжимавшие его горло в прошлый раз, и вдруг понял, что больше не верит в Тимку. Тимка молча вглядывался, и Скробкин не выдержал:

– Тимка, это я, Миша!

Тот быстро пошел на них.

– Кто это с тобой? – подошел, вгляделся, завертел головой по сторонам. Спросил хрипло: – Никого больше?

Всё это время Скробкин молчал и всматривался в Тимку с мучительной жалостью. Вдруг из домика послышались женские всхлипывания и плач.

– Лена! – Галя побежала к дому и юркнула в дверь.

– Что с Леной? – заорал Скробкин, – Что ты, дурак, сделал с Леной?

Тимка осмотрел его с ног до головы и сплюнул.

– Вот честное слово, Миша, если бы не знал, что это ты, то снова захотел бы тебя убить!

– Хватит с тебя, Тимка, наубивался уже!

– Значит, пронюхал что-то? Откуда знаешь? Были на моей квартире? Попали в засаду?

– Да, там засада! И знаешь, кто командует группой по твоей поимке? Ултарак Сагатович!

– Ултарак Сагатович, наш участковый? Надо же!

– Что там с Леной?

– А что с Ленкой? Ленка плачет, оплакивает нашу несбывшуюся семейную жизнь!

– Ты ей всё рассказал?

– Для того и привез, чтобы попрощаться. А что, собственно, всё? Я ведь тех убивал, кто меня отпустить не желал! Тех, кто решили, что они хозяева моей жизни и могут меня избить, измучить или убить! Нет, Миша, я никого зря не убил!

– Знаю, Тимка, я твой психологический портрет составлял, собственно, я и способствовал тому, чтобы тебя нашли.

– Так чего пришел один? Почему полицию не привел?

– Потому что, Тимка, я не считаю себя хозяином твоей жизни. А был бы хозяином, всё равно бы отпустил тебя, потому что я твой друг, а ты мой!

– Знаю, брат, спасибо! – Тимка подошел вплотную и обнял его.

Скробкин встрепенулся:

– Беги, Тимка, сейчас беги! Они ведь знают про дачу! Им соседка сказала с первого этажа.

Тимка зло усмехнулся:

– Тетя Нина, будь она неладна! Всю жизнь следит за мной!

Он метнулся в дом и вышел уже с рюкзаком. Видно было, что уже готовился уходить.

– Давай, брат, наверное, уже не свидимся! Надо же, только родного человека нашел и снова теряю! Я ведь сколько про вас думал, мечтал встретиться. С Гилькой, с тобой! Думал, что, если бы кто из вас был рядом, может, не так криво пошла бы моя дорожка!

– Стой, с Леной разве не попрощаешься?

– Второй день прощаемся, куда больше-то! И не люблю я этого!

Скробкин вдруг сунул руку в барсетку, которую носил через плечо, и вынул иконку Николая Отводящего.

– Возьми, может, поможет! Тебе любая помощь не лишняя теперь. Почему-то со дня покупки из сумки не вынимал, таскал с собой. Видимо, к этому слушаю!

Тимка рассмеялся, потом махнул рукой.

– А, давай! На память! – и сунул иконку за пазуху.

Взревел мощный мотор спортивной «Хонды». На звук выбежала Ленка, но «Хонда», на ходу вышибив ветхую калитку, с надрывом ушла в темноту. Еще минута, и наступила тишина. Только дрозд, затаившийся от рева мотора, несмотря на глубокую осень, начал опять тихонько репетировать весеннюю песенку. Стемнело, лишь слабая лампочка, горевшая над крыльцом дачи, создавала тусклое желтое кольцо света. Все стояли молча, пытаясь как-то прийти в себя после всех переживаний этого дня. Вдруг из тьмы вокруг тихо отделилась фигура, видимо, стоявшая там всё это время незамеченной. Лена от неожиданности вскрикнула. Скробкин взгляделся и узнал Ултарак Сагатовича. Он молча смотрел, как тот подходит к ним. И молчал, когда подошел. Пожилой майор тоже молчал и смотрел на Скробкина, прищурившись, как от сильного дыма. Первым нарушил тишину Скробкин.

– Можете меня арестовать, я готов дать показания!

– Арестовать? Ойпырмай! Разве я хочу тебя арестовать? Разве я ехал бы за вами один, если бы хотел арестовать тебя? Ты друг моего покойного Чингизика. Я хочу понять тебя, почему?

– Потому что он мой друг и тоже друг нашего Чингизика!

– Как друг? Почему я его не знаю?

– Знаете – это Тимка! Я бы сказал, что он даже больший друг Чингизика, чем я. Потому, что он, Чингизик и Гилька были неразлучные друзья! А я был все-таки старше их.

– Это был Тимка, маленький Тимка? Ойпырмай, что происходит на этом свете? Если Бог есть на этом свете, как случилось, что мой Чингизик утонул, а Тимка, его друг, стал серийным убийцей? – Ултарак Сагатович пошатнулся и стал растерянно оглядываться, ища, куда бы присесть. Не найдя, остался стоять.

– Он не был маньяком, Ултарак Сагатович. Он это делал по обязанности, которую сам себе придумал. Он был как бы на службе. И убивал только тех, кто его не хотел отпустить, а хотел замучить. А Бог? Лучше вам не знать, что я думаю про него. Хотя нет, вот сейчас я скажу, что думаю, и пусть он меня поправит, если слышит. Так вот, я верю, что есть Бог, который всё создал. Он создал все законы физического и биологического мира и удалился для того, чтобы всё могло свободно развиваться. Я верю, что любое живое и мыслящее существо способно добавлять к этим законам новые, видоизменяя и трансформируя их под свой быт. Я верю, что человек способен создавать свою физику, и физика человека нашей цивилизации вступает в противоречия и даже военные действия с физикой аборигена, например. Наша физика могущественна только потому, что нас больше. Это физика большинства. И боги, в которых верует человечество, это тоже физика, созданная человеком. И я отказываюсь подчиняться такой физике, ради которой надо приносить кровавые жертвы, подавлять волю людей и вести религиозные войны! Такая физика большин-

ства, такие закономерности и такие боги – это не мои боги и не мои закономерности! По сути, это большие жирные лярвы, встроенные в нашу жизнь и паразитирующие на человечестве!

Ултарак Сагатович всё это время устало молчал и, возможно, даже не слышал сказанного. Потом попросил воды и жадно выпил целый стакан.

– Поздно, садитесь в машину, я отвезу вас домой.

Все устало загрузились в старенький, выдавший виды японский «Ниссан», и молча поехали домой. И это было самое важное и главное, что можно после всего пережитого приехать домой и постараться забыть, для того чтобы потом как-то жить дальше.

Подъезжая по адресу Лены и Гали, Скробкин потрогал Ултарака Сагатовича за локоть, привлекая его внимание.

– Знаете, Тимка ведь чуть не убил меня от ревности, а когда я открылся ему, сказав, кто я, то он меня сразу отпустил и всё простил.

Ултарак Сагатович кивнул головой.

– А потом ты отпустил его, Миша, – помолчав, добавил: – И теперь я отпускаю вас, дети мои!

– Скажите, чем кончится эта история?

– Ничем. Уйду на пенсию. Это мне знак был, что пора уходить. Я ведь впервые, слышишь, впервые нарушил закон! Нарушил ради любви к вам.

Вдруг заговорила Галя:

– Любовь сильнее закона. Любовь всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит.

Ултарак Сагатович покачал головой, изумляясь:

– Молодец, дочка, хорошо говоришь!

– Так это не я, это апостол Павел!

– И он тоже молодец! Всё, приехали!

Михаил вышел вместе с девушками.

– Спасибо, Ултарак Сагатович! Я сам доберусь домой.

– Спасибо вам! – крикнули девушки, замахали руками.

– Аман болындар! – улыбнулся Ултарак Сагатович и уехал.

* * *

Лена чмокнула Михаила в щеку, устало спросила:

– Зайдешь перекусить чего, а то, если хочешь, заночуй у нас на диване? День был больно тяжелый!

– Это можно, – ответил Скробкин. – По правде говоря, меня домой сейчас совсем не тянет. Только покурю на скамеечке. Галя, посидите со мной за компанию.

– Ну ладно, пойду поставлю чайник, – и Лена зашла в подъезд.

– Я не знала, что вы курите, – удивилась Галя. – Вы целый день не курили.

– Я могу курить и не курить, у меня нет сильной зависимости, но иногда курю, и даже с удовольствием.

Помолчали.

– Галя, вы ведь слышали, что я сегодня говорил о Боге. Вас, наверное, корбило от таких взглядов?

– Нет, я всё поняла!

– Вы поняли?

– Не надо делать из меня большей дурочки, чем я уже есть.

– Простите, и в мыслях не было!

– Дело в том, что понять и принять – разные вещи. Я способна вас понять, но не принять. Люди всё время меняются. Меняются и мысли. Поэтому от понять до принять расстояние более близкое, чем от непонимания до принятия.

- Вы считаете, что это возможно?
- Что?
- Не понимать, но принимать?
- Возможно. Но это уже любовь, а значит, подвиг!
- Вы считаете, что любовь – это подвиг?
- Да. Я считаю, что вы сегодня совершили такой подвиг. И ваш полицейский тоже. Подвиг ради любви!
- После подобных слов, вы считаете, что кто-то сможет принимать вас за простушку?
- За дурочку, Михаил, не пытайтесь сгладить углы! Многие так думают обо мне. Но дело ведь не в том, что я знаю или не знаю, а в том, чего не желаю знать! И эти ваши теории о Боге относятся к этой категории.

Скробкин смотрел на взволнованную Галя. Образ простой и милой девушки, который складывался о ней ранее, расходился. Теперь это была девушка с собственной очень серьезной философией. И он, кажется, начинал понимать, что именно эта жизненная философия диктует ей образ простоты, к которому она сама искренне стремится. Дело действительно было не в том, что она знает, а в том, чего не желает знать. Он чувствовал, что такая Галя, какой она вдруг раскрылась перед ним, вот сейчас, ему нравится даже больше, чем прежняя. Всё это мелькнуло у него в голове не вполне еще созревшей догадкой, а сам спросил:

- Почему же, Галя? Неужели они так противны, мои теории?
- Потому что они от протеста вашего. В них нет добра. В них есть только чудовища!
- А вы, Галя, думаете, чудовищ не существует?
- Возможно, они и существуют, ваши чудовища, но я ничего про них не желаю знать. Ни о них, ни их самих!
- Что же вы желаете знать?
- Я хочу знать Господа моего! И хотела бы знать его всё больше и больше. И я хочу знать маму и наш дом. И мои рисунки. И моего кота, и мои писульки с претензией на стихи в прозе. Пусть это не бог весть какая литература, но это то, что я хочу знать! Я не пытаюсь знать всё вокруг!

Галя взмахнула рукой, очерчивая круг и пытаясь показать это «всё вокруг». Она была взволнована и от этого говорила громче и звонче обычного.

– Выходит, вы хотите создавать литературу для себя? – Михаил вдруг улыбнулся.

- Для себя. Если это можно назвать литературой.
- И картины для себя?
- И картины!
- И Бог у вас свой собственный?
- А чей же еще?
- Вообще-то он всеобщий.
- Я всех не знаю и за всех не говорю! Но знаю, что он мой. И его я желаю знать!

Скробкин опять улыбнулся. К нему вернулась его знаменитая сияющая улыбка. Галя сердито сжала кулачки.

– Нечего смеяться. Это для меня важно, а значит, серьезно!

Скробкин тут же погасил улыбку.

– Не то чтобы вы меня переубедили в чем-либо, но понять вас и даже принять я способен!

Он, по-старинному склонившись, взял Галину руку и поцеловал. Галя вырвалась, покраснела, стала пылать всё сильнее и сильнее.

– Ненавижу это! – прошептала она, прижимая ладони к горящим щекам, и быстро убежала по лестнице вверх. Скробкин следом вошел в подъездную дверь и столкнулся с Леной.

– Она в тебя влюбилась! – выдала Лена с насмешкой.

– А ты не подслушивай!

27

Это была большая лярва, или кто она там. И она всё время вела на невидимом поводке человека, идущего по горной тропе. Если смотреть свысока, отсюда, где находилась лярва, он действительно казался маленьким ползущим муравьем. Но лярва не умела смотреть. Она лишь чувствовала. Она чувствовала нужные подходящие волны. От этого человека всегда исходили подходящие волны. Они шли от него, как горячий ветер. Лярва когда-то пришла на этот ветер и сунула в этого человека свое невидимое щупальце. Это щупальце теперь как шланг пылесоса втягивало в себя желанный горячий ветер этого человека. Но лярва не знала, что такое пылесос. А человек не знал, что над ним большая лярва. Но лярва и человек стали теперь одним целым.

* * *

Горы тоже наблюдали за этим человеком. Может, три заката солнца и восхода луны, а может, больше. Горы не отслеживали время, как это делают люди, но приблизительно знали, что такое долго и что такое мало, что такое давно и что такое сейчас. Например, когда принц Шенраб Тонпа проезжал через горы в поисках своих лошадей, это было давно. А этот человек шел сейчас, и сейчас, и сейчас. Любопытный человек. В горах много праздношатающихся людей. Они тревожат сорок и ворон. За ними следят суслики и барсы. Но горы обычно обращают на них внимание, если они жгут костры и устраивают пожары. Более они ничем не интересны. А этот человек был интересен. Потому что за ним следовало его облако. Всё время висело над ним. Поэтому горы решили, что этот человек был дервиш. Горы помнили много дервишей. Были дервиши, поклонявшиеся небу. Были дервиши, поклонявшиеся перекрещенному дереву. Были дервиши в пестрых шапках. И были дервиши, поклонявшиеся огню. За самыми лучшими из них всегда следовало облако. И чем лучше был дервиш, тем большее облако следовало за ним. Горы не знали слова «лярва» и называли ее большим облаком. Но как ни называй, суть всё равно не меняется. Этот дервиш был хорошим, потому большое облако следовало за ним и клубилось, пульсировало, было наполнено жизнью. Но шла от этого облака какая-то угроза. Это был грозный дервиш. Он бормотал всё время странную молитву. Горы прислушались к ней. Человек шептал – три вдоха, три выдоха, три вдоха, три выдоха... Сейчас он выбрал место у склона скалы и устроил привал. Набрал в округе сушняка, умело разжег костер, рядом положил ворох сухостоя и пошел срубить деревце. Заготовив дров, он поставил на костер открытую банку консервов, разогрел, поел жадно. Налил из фляги воды в маленький котелок, вскипятил и заварил чай. Всё делал бережливо, ловко. Этот человек был привычный к путешествиям дервиш. Напившись чаю, он сел у склона, вытащил из торбы деревянную плашку, на которой был изображен старец с косящим взглядом. Дервиш начал разговаривать с изображением. Говорил он долго и горячо. Горы опять прислушались. Дервиш говорил: «Ты понимаешь это? Я ведь убивал, по сути, не людей, а хозяев жизни. Понимаешь, есть люди, которые чувствуют себя хозяевами не только своей жизни, но и чужой. Они считают, что могут сделать с тобой всё, что угодно: унижить, оскорбить, убить, побить, искалечить. Вот каких я убивал! Конечно, давал им шанс. Я начинал просить, уговаривать, чтобы меня не трогали, отпустили. Но понимаешь, ни

один из тех, кого я убил, не захотел меня отпустить. Стоило им меня пожалеть, и я бы пожалел. Разве нет? Я просто показал, что на пять искалеченных ими людей всегда найдется один, который покажет, что они всего лишь мясо, уже начавшее портиться и тухнуть, потому что тухнуть они начали уже тогда, когда возомнили о себе что-то! И я жалею только об одном: что мне были доступны только мелкие хозяева жизни. А так надо бы поступить и со всей крупной тухлятиной! Потому что от их вони уже дышать нечем на земле!»

Горы прислушивались и наполнялись уважением к этому дервишу, не потому что понимали его яростные слова, но поняли саму ярость. И еще потому, что облако над странником всё время пульсировало согласно его словам, то топорщилось и вздувалось, то оседало. Это было захватывающее зрелище!

Дервиш немного успокоился, погасил костер, на этом месте разостлал из еловых лап постель, а рядом разжег другой, маленький костерок. Лег на теплое и очень быстро заснул. Под его правой рукой лежала небольшая громовая палка, жезл смерти.

28

Пожалуй, горы были единственным домом, который сейчас открывал перед ним объятия. Ходил он в горы всю сознательную жизнь, всегда один. Имел свои места стоянок, где были схроны со всем необходимым для выживания. Горы не терпят легкомысленного подхода. На подходе к киргизской реке Чолпон-Килим он вытащил из такого схрона в герметичной пластиковой коробке тушенку, брикетированную кашу, макароны, мясли, сгущенку.

Передохнуть надеялся в заброшенном домике лесника у речки, а потом на кочевье знакомого чабана Акимбека. С ним он вел многолетнюю дружбу. Снабжал его лекарствами, когда тот болел. У него можно было собраться с мыслями, привести себя в порядок и думать, куда двинуться как можно дальше от цивилизации.

К сторожке подошел затемно, пригляделся, нет ли света в окне или какого-либо движения. Всё было тихо. Зашел, открыв заскрипевшую дверь и держа обрез наготове. Тихо. Сидя на скамье, прислонился к замшелой стене из грубого сруба и отдышался. Потом, очнувшись от дремы, по-быстрому прикончил холодную тушенку, запил водой, развернул спальник на топчане и сразу уснул, держа на всякий случай в правой руке обрез. Как в воду глядел!

Внезапно, со скрипом двери, к нему метнулась тень, которая обхватила его и прижала к топчану, не давая сдвинуться. Вторая тень, мгновенно возникшая рядом, стукнула его по голове чем-то твердым. Когда он пришел в себя, в очаге горел огонь, а на топчане и на земляном полу расположились люди. От котелка в очаге шел запах мясной похлебки из солонины. Он лежал на полу у двери, крепко связанный нейлоновой веревкой.

Первое, что почувствовал, – гнев. На себя за беспечность и на этих сволочей, что смогли связать его как барана на убой, а потом опять на себя. Расставь он на подходе к избушке какие-нибудь гремящие сюрпризы, ситуация сложилась бы по-другому. А сейчас ничего хорошего от них он не ждал. Простые люди не станут бросаться на спящего туриста и связывать его по рукам и ногам.

– Он очнулся!

С топчана поднялся седобородый человек с орлиным носом и глазами навывкате и, склонившись над Тимуром, разглядывал его:

– Ты кто?

– А вы кто? – вопросом на вопрос откликнулся Тимур.

– Э-э, дорогой, так нельзя, – седобородый говорил с неопределенным восточным акцентом, засмеялся. – Сейчас мы спрашиваем. Сразу видно, что ты прячешься, бежишь от кого-то, и у тебя было это, – показал он Тимуров обрез.

– Нам неважно, кто ты, что ты, может, ты бандит, может, хороший человек, только попал в беду, но мы должны опасаться тебя, потому что если человек взял в руки ружье, значит, хочет убивать.

– У вас тоже оружие, – сказал Тимур, – я вижу уже два ружья. И я тоже могу вас опасаться. И я не спрашиваю, кто вы и что вы. Давайте просто разойдемся мирно.

– Мирно, говоришь, – задумался седобородый, наверное, старший в этой компании, потому что только он говорил, остальные молчали. – Мирно – это хорошо, мирно – нам нравится. Я подумаю об этом. А сейчас давайте есть. Покушай с нами, дорогой!

– Связанный?

– Зачем связанный? Мы тебя развяжем. Мы не боимся тебя. Мы боимся только Всевышнего.

– Смотрите, что я нашел у него, – крикнул один бородач. Для Тимура они пока что были все на одно лицо, потому что все были бородатые, все имели восточные черты лица. Бородач держал в руке икону Святого Николая, ту самую в старообрядческом изводе, которую Миша Скробкин сначала купил у него, а потом всучил ему на прощание. – Это его Бог! – бородач плюнул на лик, бросил икону на земляной пол, пытаясь затоптать.

– Не тронь! – взвился ужом Тимур, прожигая бородача взглядом.

Седобородый, оттолкнув молодого бородача, поднял икону и обтер о свой жилет.

– Это твой Бог? Но ты ведь не русский?

– Я русский! – злобно произнес Тимур. Сказать по правде, он не очень был уверен в подлинной своей национальности. Папин отец был детдомовский подкидыш, и поэтому папа всегда смеялся, когда Тимка спрашивал: «Папа, кто я?» Он говорил, щелкая Тимку по носу: «Ты можешь быть кем угодно, впрочем, и я тоже!» Но однажды, на что-то раздраженный и поэтому злой, он буркнул: «Записан русским, и будь им!» Это было накануне того дня, когда они с мамой, окончательно рассорившись, подали на развод. И сейчас в Тимуре вскипало раздражение на себя и злорадия. И икона эта для него ничего не значила, и было бы умнее вести себя не очень вызывающе, но эта непонятная злорадия, казалось, душила его. Злорадия и ненависть такая необычная, что готов был он или убить или быть убитым за этот малозначимый для него символ веры. Хотя и не совсем малозначимый. В дороге вынимал его на привале и, смотря в косящие глаза, разговаривал с ним, как с живым (а с кем еще?), и вроде как сдружился и даже начал проникаться симпатией к безмолвному собеседнику.

– Хорошо, – сказал главарь и приказал молодому бородачу, – положи, где взял!

Тот с удивлением на лице и даже обидой подчинился.

– Развяжите ему руки и дайте поесть.

Когда остальные вышли из тени и сели в круг, то оказалось, что бородачей ровно пятеро. Тимура посадили в круг, дали ложку и военную посуду с похлебкой.

– Нам непонятна твоя вера, – сказал седобородый, – но мы уважаем тебя. Ты не сделал нам зла, поэтому ешь и будь спокоен, утром мы, скорее всего, разойдемся в разные стороны.

Похлебка оказалось вкусной. Там была жирная солонина и мелкий горошек, который местные называли маш. Поев и помолвившись, пятеро непонятных для него людей начали укладываться спать. Один сел у двери, в караул. Тимура положили рядом с тем бородачом, который плевал на образ Николы. Улегшись, они вдруг оба оказались вровень лицом к лицу. Бородач ненавидяще посмотрел на него, и скулы его заходили ходуном. Тимур ответил на его

взгляд и шепнул: «У, барбудос¹¹!» Бородач вскинулся было, но потом, оглянувшись на других, прошептал: «Шайтан! Надо было тебя сразу убить!» – «Что, не вышло, съел?» – Тимур повернулся на другой бок, чтобы показать свое пренебрежение. Сзади шипел барбудос, и от этого как-то на душе стало легче. Прислушался: «Еще ничего не решено, – шипел барбудос, – завтра я зарежу тебя, как овцу».

Лежа на боку, стал обдумывать свое положение. Эти пятеро тоже прячутся. Может, контрабандисты, промышляющие наркотиками, может, экстремисты, может, нелегальный оборот золота, но отпускать его они, скорее всего, не станут. Скорее всего, как обещал барбудос за спиной, убьют, может, возьмут с собой и где-нибудь продадут в рабство, а может, что-нибудь и того хуже. Значит, прорываться и бежать надо сегодня, пока есть силы. Утром кольнут его еще каким наркотиком, и будешь как в тумане. Тем более надо это сделать сегодня, так как они его не связали, а положили в рядок между собой, уверенные в своей силе. Значит, будем выжидать, пока заснут. И это труднее всего. Ему всегда было трудно сладить с нетерпеливостью, живущей в нем. В последнее время из-за этого он допускал сплошные ошибки. И здесь, в этой ситуации, он оказался именно поэтому. Но сейчас он чувствовал, что как раз осторожность может стать главным препятствием. Здесь или пан, или пропал! И вдруг его переполнило странное вдохновение, почти восхищение, как будто это он, и уже не он, а кто-то совсем большой и великий, и способный, вот сейчас же, буквально на всё. Пан или пропал! И, повернувшись к барбудосу, он, восторженно и глупо улыбаясь, хлопнул его в плечо, и когда тот, встрепенувшись, привстал, в одно мгновение свернул ему шею. Вскочив, боковым ударом свалил другого и рванулся к двери так быстро, что замешкавшийся с ружьем от растерянности караульщик упал как кулек от еще одного правого бокового за ухом. «Левый коронный, правый похоронный», – мелькнула ликующая мысль. Скрипнула дверь, и вместе со скрипом в спину грянул предательский выстрел его собственного обреза из папиной вертикалки Зауэр три кольца. «Значит, пропал!» – и потерял сознание.

29

Жгучая боль в спине ниже лопаток заставила открыть глаза. «Эх, папа, папа! Тебя уже нет, и твоего Зауэра тоже нет, а обрез из него стреляет мне в спину! Хорошо, что выстрел пришелся на ствол, снаряженный дробью от змей, потому что во втором стволе был жакан, пригодный остановить даже медведя».

Седобородый заметил его взгляд.

– Ты убил нашего брата и сам умрешь, как собака. Я читал, что ваша церковь раньше сжигала преступников. Ты умрешь христианской смертью. И как хорошо, что сейчас нет ветра и небо нахмурено. Можно не бояться пожара.

«Что он говорит? Они сожгут меня? Сожгут? Господи, я не хочу умирать такой смертью!» – он еще так думал, как заметил, что уже говорит:

– Убейте по-другому! Застрелите меня!

– Смерть от пули – смерть воина. Нет. Ты умрешь христианской смертью.

Тимур начал извиваться и кричать ругательства, но слишком крепко и слишком умело был связан. Самые грязные, оскорбительные слова изрыгались из его рта сами собой, он кошунственно поминал их матерей, отцов, бабок и прабабок. В ответ увидел лишь гордое молчание, хотя заметил, что кулаки сжимаются, а глаза загораются гневом. А нужна была ярость! И тогда он обложил матерными проклятиями убитого им молодого контрабандиста. Его старший брат, оскаленный в страшной ярости, сорвал с плеча автомат, вот-вот

¹¹ Барбудос (с исп. Barbudos) – бородач, бородачи – самоназвание кубинских партизан.

готовый уже стрелять и уничтожить его, Тимурову, плоть и душу, но увидел, как главарь обнял его и что-то шепнул на ухо, а потом махнул рукой, запуская процесс мучений. Двое его бойцов подскочили к Тимуру и поволокли к сухой сосне, где привязали его веревкой и для надежности добавочно прикрутили ржавой колючей проволокой, найденной в яме с мусором.

«Боже, – думал Тимур, кривясь от боли в местах, где проволока впилась в тело, – это всё взаправду происходит со мной! Mamочка моя, смотри, что делают с твоим сыном!» И когда он обратился мыслью к маме, то это как-то затормозило тошнотворно тоскливое отчаяние, которое уже начало, как воронка, засасывать его изнутри.

Привязали его ровно так, чтобы от земли до ног оставалось места примерно на два локтя. Пространство под ногами обложили сушняком и начали рубить и класть на него более крупные поленья.

– Смотрите, я принес его бога, – со смехом сказал кто-то и, плюнув на плашку, кинул на поленья образ Николы Отводящего. – Пусть горят вместе! – Все засмеялись, и он услышал крик: – Молись своему богу, пока у тебя есть время!

Посмотреть вниз под ноги мешал один шип проволоки, который впиался в кожу на шее. Сжав зубы, Тимур, несмотря на текущую кровь и боль, посмотрел. Маленький образ Николы Отводящего еле различался на поленище, как в дымке. Глядя на это дымчатое пятнышко святого лика, Тимур прошептал: «Сейчас самое время, отводи, пожалуйста, если можешь! Отводи!» И хотя он не различал лика вполне, но казалось, что тот теперь отводит глаза от бессилия.

Между тем кострище было готово, и боец по взмаху руки главного подскочил и щелчком зажигалки поджег свернутую газету под сушняком. Огонь запылал быстро. Сушняк затрещал от жара. «Керосин! – услышал Тимур голос главного. – Плеснете керосин, если пойдет дождь». «Гад! – подумал он, и еще: – Хорошо, что не сняли ботинки. Они на толстой подошве и не сразу займутся». Гореть сразу не хотелось! Когда огонь начал подбираться ближе, Тимур сначала дергался, напрягая все мышцы, потом кричал страшно и долго, потом обмочился и замолк. Опустив, насколько возможно, голову, он стал наблюдать, неотрывно и жадно глядеть вниз, туда, где огонь сначала лизал дрова, затем, тихо потрескивая, начал подбираться ближе и вот уже коснулся подошвы ботинок. Верилось в происходящее с трудом. И ноги вдруг стали очень холодными. Защитная реакция, подумал он, и его голос дрогнул. Голос в голове дрогнул! Или он сам дрогнул? Да, он дрожал. Потом холод начал подниматься выше, к паху, и он ощутил там тянущее, сладковатое нытье, как в детстве, от нетерпения узнать поскорее, что там в книжке, на самом интересном месте прочитанного. Потом холод заполнил живот, и это уже был нестерпимый холод. Он начал трястись всем телом, а холод поднялся в грудь и уже шупал сердце. Тогда вдруг явственно и четко он услышал пение соловьев. Пение соловьев в тутовой роще. Перед глазами как бы порвалась пелена и открылась сама тутовая роща. Вот поселок Сары-Тюбе, куда его отправили доучиваться в восьмом классе, чтобы оторвать от дурной компании. Сейчас он оказался там как раз в мае, когда тутовник расцветает. Это было знакомое поселковое шоссе. По левую сторону – роща, по правую – пески и саксаульник. А дальше дышал прохладой величественный Или. По этому шоссе он бегал ночью. Ему нравилось бежать по пустому шоссе под лунным светом. Тете он говорил, что бегаю ради тренировки, и уходил, несмотря на ее бубнящее ворчание: «Что люди скажут?» Была в этом ворчании тоскливая несвобода. Потому что вся ее одинокая жизнь была жизнью на цепи правил. А он – нет. Он никогда не сядет на такую цепь добровольно! Поэтому так надо было ему снова и снова уходить в ночь, в соловьиное пение, ощущать свист утиных крыльев над головой, когда они пролетали к реке. Надо

было бежать, рассекая грудью тошнотворно сладкий воздух от цветущего тутовника. Это был не бег. Это был его ежедневный побег. И сейчас именно это шоссе было перед глазами! Да что там, он явственно и твердо стоял на шоссе! И он почувствовал, что может остаться здесь, если захочет. Неуверенно пошевелив одеревеневшими руками и ногами, он оглянулся назад, на огонь, горящий уже жарко под его ногами, на себя, застывшего в состоянии какого-то ступора, со взглядом в никуда. На освещенные языками пламени лица его убийц. Кино какое-то! И он, отвернувшись, шагнул в ночь на шоссе, залитое лунным светом. Явственно услышал замысловатые рулады и трели из рощи слева. Вдохнул сладкий воздух. Да! Это было на самом деле! То, что за спиной – дурной сон, а это действительность! Он вспомнил слова своего френда по фейсбуку, парижского поэта Михаила Бараша: «Всё дурное – это антиреальность. Люди, живущие дурным, живут в антиреальности». И он сделал еще шаг, и еще, и потом неуверенно затрусил по шоссе. Оглянулся, но окошко дурного сна уже захлопнулось. Тогда, счастливо улыбаясь, побежал в полную силу. И услышал голос мамы.

– Три вдоха и три выдоха!

Мама бежала рядом, в своем стареньком спортивном костюмчике, который она привезла из командировки в Румынию, и говорила:

– Три вдоха и три выдоха!

Именно в этом салатного цвета костюмчике она учила его бегать по-стайерски, чтобы бежать долго и не выдохаться. И сейчас бежала рядом. Она всегда рядом, когда ему трудно. И он не понимал уже, как можно было на нее сердиться? Вымещать злость. Никогда больше не было у него человека более преданного.

– Три вдоха и три выдоха!

Над головой вдруг сгустились тучи. Стало совсем темно. Хорошо, что шоссе бетонное и можно бежать в темноте, без необходимости всматриваться под ноги. Всегда гладкое шоссе! Три вдоха – три выдоха! Надо успеть убежать достаточно далеко. Капли дождя упали неожиданно. Обжигающе холодные капли. Откуда вдруг такой холод в мае, в краю цветущих тутовников? Три вдоха – три выдоха. Нельзя снижать темп. Капли превратились в нестерпимо горячий душ! В чем дело?

Мама бежала слева и повторяла:

– Три вдоха, три выдоха.

А справа вдруг появился бегущий друг детства, маленький Чингизик.

– Ойпырмай! Ты что делаешь, Тимка?

– Бегу, Чингизик! – ответил он, стараясь при этом не сбить ритм дыхания – три раза вдох, три раза выдох.

– Куда, Тимка?

– Не куда, Чингизик, а от кого!

– От кого?

– Понимаешь, от всех!

А мама слева твердила – раз, два, три – вдох...

Чингизик вдруг сказал звучным голосом баптистского пресвитера Анатолия Александровича: «И, подняв голову к небу, возопил: – Или, Или, лама, савафкани¹²»

– Что-о-о? – закричал Тимур и остановился. Чингизик тоже остановился и улыбнулся. Печально. А потом исчез. И мама исчезла. А небо вдруг взорвалось миллионом падающих огней. Тимур уже в панике припустился бежать дальше, но горела одежда. Уже горели волосы. И он закричал: – Мама, мама, мама!

¹² Возглас Иисуса Христа на кресте на арамейском языке: «Отец, отец, зачем оставил меня?»

И тогда раздался гром.

– Зачем ты сделал это, Салим? – Весь красный от гнева брат убитого контрабандиста с кулаками кидался на молодого товарища. Его сдерживал седой главарь. Он обернулся к молодому парню, который судорожно сжимал ремень старенького штучера.

– И правда, Салим, зачем ты это сделал?

– Сказано, «Даже животное в пищу твою убей милостиво», – ответил Салим и нервно дернул два раза ружейный ремень.

– Ладно, ладно, – сказал главарь примирительно, – ты всё сделал правильно, убийца не ушел от суда.

– Слишком быстро, – бормотал брат убитого, вытирая с глаз набежавшую влагу, – это слишком быстро!

– Кто знает, Максуд, возможно, Аллах не хотел этого, видишь, какой дождь, он почти погасил огонь, – главный покачал головой и сплюнул насвай.

Вдруг пророкотал такой гром, что все вздрогнули, глядя на небо, и забормотали: «Иншалла!» И тут сплошной стеной всех накрыл ливень. Контрабандисты поспешили в заброшенную сторожку, обсушиться и приготовиться в путь.

– А что он крикнул? – спросил всё время молчавший худющий парень, похожий на туберкулезника.

– Кажется, звал свою мать, – ответил Салим, оглянувшись на полусожженное дерево и прикрученный проволокой труп.

А горы внимательно следили за избушкой лесника. Давным-давно появился тут лесник, огляделся и, подбоченившись, весело присвистнул. Взялся он строить здесь дом. Сначала сделал временный сруб на земляном полу, чтобы было, где жить. А потом стал готовить бревна для постоянного жилища. Но не тут-то было. Заночевали как-то у лесника пришлые люди, старатели. Было их трое. Люди тихие и малоразговорчивые. Но в тот вечер были все в добром расположении духа. Добыли они достаточно золота, чтобы вернуться к семьям, обжиться и завести крепкое хозяйство. Надоела им бродяжья жизнь. Сидели они за столом и пели протяжные и тоскливые песни своей родины. Немного выпили. И лесник с ними. А потом спать легли. И спали безмятежно. Только не знали они, что по их следам шла ватага тоже пришлых лихих людей, с длинными жезлами, изрыгающими громовой огонь и молнии, и кривыми ножами. Не жалели те люди никого на своем пути. Несли смерть и опустошение. Избушка лесника тоже навсегда опустела, и больше в ней никто не жил. Потому что было это дурное место. И жила там теперь дурная память.

И вновь теперь другие дурные люди засуетились здесь с утра, собирая хворост и рубя сухие деревья, чтобы дурная память этого места превратилась в одну большую незаживающую рану. И стали горы созывать тучи. Но не успевают ни горы, ни тучи за бегущим временем людей! Поэтому дервиш, привязанный к дереву, всё же был опален огнем, прежде чем на его жертвенный костер упали первые капли. Но не смогли они предотвратить ни боль, ни стоны, ни вопль связанного дервиша. А над ним всё больше набухало и наливалось невидимыми токами его странное облако. Потом, наконец, налившись грязным сиреневым цветом, отсоединилось, втянув свой облачный тонкий хоботок от головы мученика. И отлетело. И остался дервиш один. И дервиш, и не дервиш, потому что облако ушло. А какой дервиш без своего облака?

30

Чабан Акимбек не всегда был чабаном. Вернее, он вырос в чабанской семье и всё детство на каникулах пас скот, а учился он в интернате для чабанских детей, и, слава Аллаху, учился хорошо, а больше всего увлекала его география, и

возмечтал он стать великим путешественником и открывать новые земли во славу киргизской науки. Но когда подрос, понял, что все земли уже давным-давно открыты, а путешествовать дешевле с помощью интернета. Закончив географический факультет университета, работал он в средней школе города Каракол. Вскоре там и женился. Жена, учительница труда Кулпынай, была красивая и работающая. В трудные времена преподавала труд в школе и подрабатывала надомно в швейном комбинате. Родился первенец. Назвали Айдос, по имени деда. Вроде всё было хорошо, но беда пришла неожиданно. Кулпынай была худенькая, думали, порода такая, генетика по-современному. Но в один прекрасный день пошла у нее горлом кровь и никак не могли остановить. Пришлось самолетом везти в столицу. Оказался туберкулез. Врачи откачали и залечили рану. Но несколько времени спустя сам Акимбек почувствовал слабость. Любое усилие давалось с трудом. Бросало то в пот проливной, то трясло как в лихорадке. Врачи подтвердили догадку Кулпынай. Акимбек тоже подхватил дурную болезнь. Сына спешно отправили на кочевье деда, а Акимбек стал лечиться. Именно тогда он уверовал в чудодейственность современных препаратов. Рифампицин! Великий антибиотик, которым лечили его. Это он поднял его на ноги, и он снова почувствовал себя человеком! Но сказал один добрый и мудрый врач, что одним антибиотиком нельзя излечиться полностью. Чтобы погасить воспалительный процесс, необходима особая жизнь. Чистый горный воздух, кобылий кумыс, еще хорошо бы охотиться и каждый день потреблять дичь. Это всё, чего и так было вдосталь на кочевье его отца, чем и сам он жил и питался в детстве. И он вернулся к прежней жизни. Слава Аллаху, и он и его жена стали поправляться и вошли в силу. Сын уже вырос и учился в университете. Всё, Иншалла! Но всегда, при любой простуде, Акимбек пил рифампицин. И всегда держал запас этого чудодейственного антибиотика! И сейчас, когда мировой кризис коснулся и гор, были добрые люди, снабжавшие его всем необходимым. Например, Темеке! Давний и хороший знакомый, подолгу гостивший у него, для которого он даже ставил запасную юрту, чтобы тот жил без стеснения! Ждал он его в скором времени, тот всегда приезжал к концу сезона кумыса, но в этот раз что-то очень сильно припозднился. Уже и осень настала.

Сегодня Акимбек выехал по следам волчьей стаи, сделавшей ночной налет на отару. Надо было выследить их возможный маршрут, чтобы устроить облаву силами соседних чабанов и охотников из Караколя. Подъехав к заброшенной избушке лесника, почувствовал запах гари, а потом лошадь начала взбрыкивать, а собака ощерилась, но не как на волка, а прижимаясь к ногам лошади, что было странно. Акимбек спешился и, опутав ноги лошади, приказал собаке сторожить, а сам взял винтовку наперевес и стал подходить к избушке с задней стороны. Обойдя, остановился и чуть не вскрикнул. На обгорелой одинокой сосне, росшей слева от входа в избушку, висел человек, тоже, видимо, обгорелый и мертвый. Акимбек начал пятиться назад и решил идти к пограничникам, пусть они разбираются, но пес Акмоин, нарушив приказ сторожить лошадь, вдруг выбежал вперед, бросился к сосне и начал кружить, прыгать, скуля и подвизгивая. И тут человек как-то изменил положение. Вроде висел так же, но что-то почувдилось, какая-то перемена в позе. Акимбек подошел к сосне, заглянул в лицо и чуть не выронил винтовку: «Темеке! Как же так?! Кто это с тобой сделал?!» Трясуцимися руками он пытался снять обмотанную вокруг колючую проволоку, но только поранился до крови. Тогда, схватив с пояса топорик, стал рубить то место, где проволока касалась сосны, а не тела Тимура. Наконец, сняв проволоку, обрезал частично обгорелую веревку, и Тимур упал в его руки. Когда Акимбек обхватил его, согнувшись под тяжестью его тела, Тимур вдруг тихо застонал. Он был жив! Положив Тимура на землю, Акимбек бросился к лошади. Никогда еще он так не бегал. Бежал как безумец, тряся руками, поднятыми вверх, словно

бежал и молился одновременно! С большим усилием перекинув Тимура через седло, погнал он лошадь, держа ее в поводу, трясая головой на ходу и беспрерывно бормоча: «Астапыр Алла, Астапыр Алла...»

Не помня, как добрался до кочевья, сгрузил он Тимура на землю и с помощью непрерывно кричащей и плачущей Кулпынай перенес в юрту. И стали они вместе обозревать то, что осталось от их хорошего друга по имени Тимурджан, или просто Темеке. Нижняя часть тела и ноги были сильно обожжены, и кожа лопалась, на груди в области сердца была рана от пули. Повернув набок, увидели, что рана сквозная, а раз он жив, значит, она не задела сердце. И даже легкие. Потому что не было ротового кровотечения. Но в области спины, посередине, была кучная рана от дробового заряда.

Что делать? Бежать к пограничникам за врачом? А вдруг помрет за это время? Кулпынай за всё взялась сама. Рану на груди и спине промыла кипяченой водой и залила перекисью водорода. Потом засыпала в рану акимбековский запас чудодейственного рифампицина. Дробины решила не трогать, а тоже сплошь посыпала антибиотиком и перевязала. Ожоги омыла саумалом – свежим кобыльим молоком и перевязала смоченной в саумале повязкой. Сказала: «Придется часто менять, чтобы не присохла и не нагноилась». Пока лечила Тимура, он лежал беззвучно, с открытыми глазами, прерывисто дышал. Вдруг он рванулся вперед и, глядя на Кулпынай, спросил: «Мама?»

– Мама, мама! – всхлипывая, ответила Кулпынай.

Акимбек стал собираться в дорогу. Дорога была неблизкая.

– Темеке, поеду к пограничникам! Держись, привезу доктора! Ты будешь жить! – громко и напевно сказал он, обращаясь к Тимуру.

Он не надеялся, что Тимур поймет его, больше ободрял себя. Так сейчас было необходимо, чтобы кто-то громким и уверенным голосом говорил слова, вселяющие силу и веру! Вдруг глаза Тимура изменились, стали другими, не безумными. Он поманил рукой Акимбека, и когда тот наклонился, вдруг с неожиданной силой схватил его за грудки.

– Нельзя врача! – просипел он. – Меня ищут! Полиция... – и опять провалился в беспамятство.

– Ты слышала? – Акимбек с беспокойством обратился к жене. – Он сказал, что его ищет полиция. Значит, он что-то натворил такого, что его даже хотели сжечь живьем! Ойпырмай, что же нам теперь делать?

– Ты поставишь запасную юрту, мы его положим там. Я сама его буду лечить, а если он помрет, ты похоронишь его в горах. Мы его не отдадим. Я не отдам!

– Но это может быть опасно!

– Никто не узнает, если будем молчать! Он шел именно к нам! Ты слышал, что он сказал мне? Он назвал меня мамой! И ты думаешь, после этого я его выдам?

– Он сказал это в беспамятстве!

– Мне всё равно, Аллах всё видит, и у меня тоже есть сын! Может, за помощь чужому сыну он когда-то воздаст милостью моему Айбеку!

– Иншалла, – ответил Акимбек, сразу смиряясь и успокаиваясь. – Да будет так! Будем его лечить и прятать, и пусть будет что будет!

31

Темеке, как звали Тимура в семье Акимбека, поправлялся на удивление быстро. Всего одна зима, и страх за его жизнь отступил. Когда ожоги покрылись струпьями и начали сходить, стала очень заметной красная кожа с рубцами и шрамами. Лицо было затронуто меньше всего, хотя голова его обгорела по бокам и там сошли волосы, открывая красные обожженные уши и оставляя посе-

редине головы полосу волос, как у индейца дикой Америки, так что Кулпынай посчитала такой облик совсем уже страшным и аккуратно остригла, надев на его голову шитую собственноручно из старого гобеленового покрывала тюбетейку. Тимур целыми днями любил бродить в горах, собирал в охапку высокие сочные травы и цветы, а потом подбрасывал их над головой, прыгал и дико хохотал. Этому хохоту вторило только эхо, потому что горы были почти безлюдны, если не считать туристов, идущих по своему маршруту.

Совсем скрыть присутствие чужого человека на кочевье Акимбека не удалось. Несколько раз навевывались дальние соседи, под каким-либо предлогом или просто как бы проезжая мимо. Кулпынай даже стала наносить немного золы из костра на щеки и нос Тимура, чтобы отгнать пытливым чужой взгляд, как это делают киргизы с маленькими детьми от сглаза. Впрочем, на взгляд Акимбека он и без всякой золы выглядел таким сумасшедшим, каким и стал на самом деле. И все видели в нем непонятного безумца – байгуш, которого из милости приютил Акимбек, исполняя каприз своей жены. Он иногда ходил за Кулпынай, как привязанный невидимой веревочкой, иногда гулял сам по себе, так долго, что встревоженная Кулпынай просила мужа поискать его. Акимбек находил его бесцельно бродящим по лугам, занятого каким-то сосредоточенным диалогом с самим собой. Он всё время бормотал, и всё время разное, и, кажется, даже на иностранных языках. Иногда, в минуты просветления, он подходил к Кулпынай и, тронув ее пальцем, говорил: «Мама!» Именно такие моменты действовали на Кулпынай сильнее всего. Она отвечала: «Мама, мама», – и обязательно чем-то кормила или поила его. Он послушно то жевал баурсак, то выпивал сорпу или айран из пиалки, и никогда не отказывался. Так неспешно шли дни и недели.

В один светлый солнечный день, когда Тимур, одетый в старый чапан Акимбека и в пестрой тюбетейке, одиноко бродил в долине между холмами и, как всегда, что-то бормотал, к нему подошли трое проходивших мимо путников. Среди них была одна женщина. Именно она обратилась к Тимуру.

– Скажите, пожалуйста, у вас тут можно купить кумыс?

Оборванец в дырявом халате и тюбетейке прошел мимо, что-то бормоча.

– Эй! – возмутилась она. – Кажется, вас спрашивают!

– Отстань от него, – сказал ей полный, но высокий и мощный мужчина, – видишь, чокнутый!

– Чокнутый или типа гордый? – усомнилась женщина, и третий мужчина – худой и поджарый, покрытый татуировками даже на шее и на щеке, загородил Тимуру путь.

Тимур, бормоча, повернул назад и наткнулся на стоявшую позади него женщину.

– Мама?

– Какая я тебе мама, чурка чокнутая! – захохотала женщина. – Фу, уберите его от меня, от него воняет, – и, вглядываясь: – Боже, это Фредди Крюгер¹³ какой-то! – сморщила она нос.

Высокий мужчина сорвал с Тимура тюбетейку и кинул в сторону:

– Катись давай, лови свой колпак, – и слегка подтолкнул в сторону отброшенной тюбетейки.

Но и толкать не было надобности, потому что Тимур, схватившись двумя руками за голову, побежал к тюбетейке и, встав на колени, натянул ее на голову.

В этот момент в воздухе раздался хлопок и блеснул разряд, и вдруг оттуда, из этого блеска, ударила, разветвляясь, молния и поразила троих проходивших. Уже через мгновение три тела остались лежать на земле, раскинувшись,

¹³ Фредди Крюгер – злодей из американского фильма ужасов с обожженным лицом.

как подстреленные в полете птицы. В воздухе резко запахло озоном. Тимур, казалось, не заметил происходящего, он, бормоча, двинулся дальше, вниз по ущелью. Всё это видел сидящий на холме мальчик из соседнего кочевья. Его звали Жанболот. Он уже много дней от нечего делать слонялся за Тимуром и приглядывал за ним, пытаясь понять, что это за существо – байгуш из кочевья дяди Акимбека. Тут же, увидев непонятное и ужасное представление, разывравшееся перед ним, он побежал домой, где всё рассказал матери.

У этого происшествия были еще одни безмолвные свидетели. Горы молча и неотрывно наблюдали за странным дервишем, который никому не поклонялся и всё время бормотал что-то непохожее на молитву. Казалось, он говорил с собой. Можно было бы отнести этого человека к разряду несчастных безумцев, но это был все-таки дервиш. Потому что к нему вернулось и следовало за ним его облако. Или нет. Облако изменилось. Оно было намного больше, чем прежде, и иногда отсвечивало желтым огнем, как будто в нем изнутри полыхало непотухающее пламя.

В тот же день на место происшествия приехали сначала военная милиция, а потом опергруппа из Караколя. Тимура пытались допросить, но он смотрел пустым бессмысленным взглядом и молчал. Когда хотели увезти его в город на медицинское освидетельствование, Кулпынай бросилась, заслоняя Тимура и плача, а Тимур, растревоженный ее волнением, стал выкрикивать свое: «Мама, мама!» таким громким голосом, закрывая уши и раскачиваясь, что милиционеры отступились. Было и так ясно видно, что человек этот безумен, как, впрочем, и жена чабана Акимбека. Как можно держать такое существо на своем кочевье? Вдруг он опасен? Но предъявить этому безумцу было нечего. Трое туристов были явно поражены разрядом молнии, возникшим при ясном небе и белом дне, и ничего тут не поделаешь. Загадка природы! Поэтому полиция забрала трупы для дальнейшего опознания и уехала, оставив Тимура и семейство Акимбека в покое. Впрочем, в соседних чабанских кочевьях пошел слух, что гостит у Акимбека не безумец, а божий святой человек-аулие.

Как-то ненастным утром, когда в горах выпал снег, к Акимбеку заехал чабан Дедеш, отец того самого подростка Жанболота. К седлу его коня был приторочен связанный ягненок. Он напрямую подошел к отдельной юрте, перед которой на стуле сидел Тимур, и сказал, положив ягненка к ногам Тимура: «Жена у меня рожает, никак не разродится. Помогите, если можете. Вот!» Чабан неловко потоптался на месте, не зная, как себя вести перед этим человеком. Тимур вдруг посмотрел на Дедеша ясным, осмысленным взглядом и произнес что-то вроде: «Ихь лебе иетст ин эйнем хаус мит гартен оберхальб дер штатт, обехальб дес флюссес... варе ихь герн айн комет? Ихь глаубе щон... денн кометен флиеген зо шнель вие фогель блохен мит фойер унд зин дзо рейн вие киндер...»¹⁴

Дедеш, немного помявшись, ответил: «Аумин!» – и провел ладонями по лицу, как после молитвы. Потом, повернувшись, вскочил на коня и сказал: «Қош», – Акимбеку и Кулпынай, молча наблюдавшим за этой сценой.

Тимур, взяв на руки брыкающегося ягненка, развязал путы и, подув в мордочку, поцеловал. Когда ягненок вдруг чихнул, забрызгав его слюной, он рассмеялся так же счастливо, как смеялся на лугу, разбрасывая сорванные цветы.

Вскоре все узнали, что жена Дедеша разродилась сыном. Назвали его Темир.

Окончание в № 9, 2026.

¹⁴ «Сейчас я живу в доме с садом над городом, над рекой... Хотел бы я стать кометой? Думаю, да... Ведь кометы летают так же быстро, как птицы, цветут огнем и чисты, как дети...» (Слова бедного сумасшедшего Гёльдерлина, нем.)